

3. Григорян

Военные походы русской армии по присоединению Восточной Армении к России¹

Присоединение Восточной Армении к России, начавшееся в начале XIX века и завершившееся заключением Туркманчайского мирного договора между Персией и Россией 10 февраля 1828 года,—одна из замечательных страниц в жизни армянского народа, крупнейший поворотный пункт в его истории.

В результате присоединения Восточной Армении к России значительная часть армянского народа сбросила с себя вековое деспотическое иго архиепископальной персидской Персии и навсегда связала свою судьбу с судьбой великого русского народа, став на новый путь экономического и культурного развития.

Эти крупнейшие исторические события и его последствия надо рассматривать как единственный выход, как историческую необходимость для армянского народа в создавшихся для него в начале XIX века условиях.

Присоединение Восточной Армении к России спасло армянский народ от гонения и варварского гнета персидских сатрапов, от угрозы физического уничтожения. Восточная Армения стала национальным очагом для рассеянных по всему миру армян. В ней обосновываются значительные массы армянского населения, начинается его материальная, культурная и духовная жизнь. Армянский народ переживает процесс национального оформления.

Освободившийся из-под ига персидской тирании армянский народ получил возможность связать свою судьбу с передовой революционно-демократической общественностью в России.

В результате присоединения русская передовая демократическая культура, наука, искусство и литература, русская революционно-демократическая общественная мысль стали оказывать большое благотворное и прогрессивное влияние на армянскую культуру и на развитие революционной общественной мысли армян.

Присоединение Восточной Армении к России совершилось в результате, с одной стороны, трех крупных походов русской армии в начале

¹ Настоящая статья является частью монографической работы автора— «Присоединение Восточной Армении к России и его историческое значение».

XIX века—1804 г. (под командованием генерала Цицианова), 1808 г. (под командованием генерала Гудовича), 1827 г. (под командованием генерала Паскевича), и, с другой стороны,—в результате растущей симпатии закавказских народов к русскому народу и той огромной военной, экономической и моральной помощи, которую оказали закавказские народы, в том числе и армянский народ, русским войскам в период русско-персидских войн.

*
*

Присоединение Грузии к России открыло новую страницу в истории взаимоотношений русского и закавказских народов.

Весть о присоединении Грузии к России армяне восприняли с величайшим ликованием. Для армянского народа создались вполне реальные возможности развернуть, с помощью русских, активную борьбу за освобождение Армении от турецко-персидского ига. Россия, в свою очередь, стремилась максимально использовать присоединение Грузии в своих интересах. Создались благоприятные условия для постепенного овладения всем Закавказьем и утверждения там русского господства. Осуществление этой задачи было возложено на правителя Грузии и главнокомандующего всей Кавказской армией ген. Цицианова.¹

Все лето 1803 года русские войска провели в деятельных приготовлениях к походу в Ганджинское ханство. 20-го ноября, в местечке Соганлуг, недалеко от Тифлиса, состоялся сбор русского войска (в том числе отдельного армянского полка), предназначенного для похода.

В начале января 1804 года русские овладели Гачджей и развернули активные действия в Имеретии, Мингрелии и Гурии. Вскоре имеретинский царь Соломон согласился мирным путем принять русское подданство. Точно также без кровопролития произошло присоединение Мингрелии и Гурии. Таким образом, к 1804 году почти все главные области Грузии были присоединены к России.

В результате побед, одержанных русской армией, в русское подданство перешли как все проживавшие в Грузии армяне, так и население Памбакского, Лорийского, Шамшадинского и других в то время входивших в состав Грузии армянских районов.

Успешно завершив кампанию 1803—1804 гг., русское командование спешило овладеть Эриванским ханством, поскольку последнее в этот период имело важное военно-стратегическое и политическое значение. С переходом Эривани в руки русских значительно упрочились бы позиции России в Закавказье.

Однако как царское правительство, так и главнокомандующий Кавказской армией, прилагали все усилия к тому, чтобы замаскировать

¹ Цицианов был назначен главнокомандующим Кавказской армией 11 сентября 1802 года и прибыл в Тифлис 1 февраля 1803 г. (см. Потто В. — „Кавказская война“, т. 1, стр. 317, СПб, 1887.

истинные цели подготовлявшегося похода на Эривань. Генерал Цицианов стремился оправдать Эриванский поход необходимостью разрешения спора, возникшего между претендентами на освободившийся патриарший престол Эчмиадзина.¹

После внезапной кончины католикоса И. Аргутинского (1801 г.), эчмиадзинская братия поспешно избрала католикосом архиепископа Давида. В это же самое время в Багревандском монастыре Уч-Килиса (древний Багаван) противники Давида избрали католикосом архиепископа Даниила.

Началась борьба за патриарший престол, известная под именем Даниило-Давидовой распри.²

Русское правительство вначале защищало кандидатуру Давида, но впоследствии склонилось на сторону Даниила.

Цицианов потребовал от эриванского хана признания католикосом Даниила и высылки его противника—Давида в Тифлис. Однако эриванский хан уклонился от выполнения требований Цицианова.

Правительства России, Персии и Турции не преминули использовать Даниило-Давидову расприю в своих политических интересах, превратив вопрос о кандидатуре на патриарший престол в Эчмиадзине в «политическую проблему». Совершенно очевидно, что каждая из сторон, вмешиваясь во внутренние дела Эчмиадзинского католикосата, стремилась упрочить свое положение в Армении.

Русская дворянско-буржуазная историография замалчивала истинные причины вмешательства России, Персии и Турции во внутренние дела Эчмиадзинского католикосата, представляя это вмешательство, как простое противодействие назначению того или иного из претендентов на патриарший престол. Со своей стороны и армянская буржуазная и клерикально-дворянская историография, говоря о походах, организованных русскими с целью присоединения Эриванского ханства, вместо вскрытия истинных целей военных походов русского царизма, также видела причину последних в борьбе претендентов за патриарший престол и в различном отношении России, Персии и Турции к этим претендентам. Понятно поэтому почему армянские буржуазные и клерикально-дворянские историки, описывая предпринятые русским самодержавием военные походы, говорили и писали больше всего о борьбе за патриарший престол, о различном отношении к претендентам в католикосы со стороны правительств России, Персии и Турции, чем о самих русских походах и подлинных их целях, или о тех глубоких симпатиях, ко-

¹ Дубровин Н. Закавказье от 1803—1806 года. стр. 114—122, СПб, 1866. См. также—Ерицян А.—Католикосат всех армян и кавказские армяне в XIX веке, часть I, стр. 17—60. Тифлис, 1894 (на армянском языке).

² См. „Диван католикосата“ в Государственном хранилище рукописей при Совете Министров Армянской ССР („Матенадаран“), папка № 18, документы №№ 192, 193. См. также—Дубровин Н.—История войны и владычества русских на Кавказе, т. IV; Ерицян А.—Католикосат всех армян и кавказские армяне в XIX в. ч. I.

торые уже в те времена питал армянский народ к русскому народу, о той крупной помощи, которую оказывали армяне русским войскам во время их походов на Эривань.

Между тем вся эта распря претендентов на патриарший престол и их поддержка Россией, Персией или Турцией явилась лишь предлогом для достижения политических целей в Закавказье со стороны упомянутых государств.

Ген. Цицианов в своем донесении на имя Александра I от 12 марта 1804 года указывал на важное военно-стратегическое, политическое значение Эриванского ханства, с овладением которого упразднялось персидское владычество в Закавказье, с одной стороны, и русская государственная граница продвигалась до рек Аракс—Ахурян—Кура, с другой.¹

Историк Н. Дубровин, говоря о целях Эриванского похода ген. Цицианова, писал:—«князь Цицианов думал не только взять Эривань, но и утвердить владычество России между морями Черным и Каспийским, поставив реку Аракс границей между Россией и Персией».²

Таким образом, основной целью Эриванского похода являлось сокрушение основы персидского господства в Закавказье, занятие Эривани и подчинение России этого военно-стратегического плацдарма, имевшего столь важное значение для всего Закавказья и Ближнего Востока. Наряду с этим, взятие Эривани должно было прочно утвердить русские позиции в Закавказье, создать крепкую пограничную линию между Россией, Персией и Турцией и, наконец, создать удобный плацдарм для дальнейшего распространения русского влияния на Ближнем Востоке.

Именно для осуществления такой обширной военно-политической программы и готовил ген. Цицианов свой военный поход.

Военными приготовлениями в крупном масштабе был занят и Бабахан, вступивший на персидский престол под тронным именем Фат-Алишаха.

Персидский шах также прилагал все усилия для удержания Эриванского ханства, стремясь использовать Эривань в качестве плацдарма для нападения на Грузию, в целях ее отторжения от России, упрочения персидского господства в Закавказье и восстановления пошатнувшегося авторитета Персии. Быстро подготовив 60-тысячную армию для вторжения в Грузию, Фат-Алишах вручил командование этим войском своему сыну, наследному принцу Аббасу-Мирзе.

Лихорадочно готовился к отражению русских и правитель Эривани Мамед-хан. Численность гарнизона Эривани он довел до 7 тысяч человек, число пушек—до 22-х, сильно укрепил крепостные стены и сосредоточил в крепости крупные запасы военного снаряжения и провианта для войск.

Кроме того, будучи осведомленным о симпатиях армян к русским, Фат-Алишах и Мамед-хан приняли решение переселить армянское насе-

¹ Акты, т. II, стр. 610.

² Дубровин Н., Закавказье от 1803—1806 г., стр. 293.

ление с территории ханства в глубь Персии или к границам Карсского пашалыка и тем самым предотвратить возможную помощь армян Арагатской равнины русской армии.¹

С начала военных действий Мамед-хан загнал за крепостные стены Эривани огромное количество армян-заложников.

Таким образом, как русские, так и персы, серьезно готовились к предстоящим военным действиям. Однако русское командование решило опередить персов и взять инициативу в свои руки, стремясь в короткий срок разрешить задачу присоединения Эриванского ханства к России.

В начале мая 1804 года Кавказскому гренадерскому, Саратовскому мушкетерскому, 9-му Егерскому и Нарвскому драгунскому полкам было приказано сосредоточиться в Тифлисе, а Тифлисскому мушкетерскому—отправиться к Памбаку и ждать там прибытия главнокомандующего.

Мамед-хан Эриванский, несомненно, был осведомлен о военных приготовлениях русских. Еще до начала похода Мамед-хан стремился ввести в заблуждение Цицианова: посылая к нему одного гонца за другим, хан пытался уверить Цицианова, что он, хан, якобы, является искренним другом русских и, что за проявленные дружественные чувства к русским персидский шах грозит ему опалой.

Среди документов Хранилища рукописей Армянской ССР («Матена-даран») находится следующее донесение, датированное 29 марта 1804 года и отосланное из Тифлиса в Эчмиадзин архиепископом Ефремом:

«27 сего месяца мы писали о положении в здешних краях. Ныне имеем вам сообщить, что после отсылки того донесения от эриванского хана прибыл сюда после трехдневного пути гонец-армянин, который привез с собой два послания—одно светлейшему князю Цицианову, а другое—своему же турку, который еще находится здесь.

Адресованное Цицианову послание было передано Волконскому, который тотчас же отправил его светлейшему князю; а турок и армянин (один из людей сотника) все еще находятся здесь. Направленное светлейшему князю послание является собственноручным письмом Мамед-хана, который пишет, что все непременно подчинится императору, лишь бы, мол, поверили словам моим и выслали мне войска в помощь, ибо этот—шахом себя именующий, идет войной на меня, а ему подчиниться я не намереваюсь».²

Не доверяя заверениям хана, генерал Цицианов продолжал деятельно готовиться к походу. Когда в разгар военных приготовлений в Тифлис прибыли посланцы Мамед-хана, Цицианов предъявил ему свои требования в письменной форме, требуя от хана письменного ответа, подкрепленного подписью и печатью.³

Мамед-хан отказался выполнить основное требование Цицианова—сдать Эриванскую крепость русским. Он умышленно затягивал дело с от-

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4258, л. 16.

² „Матенадаран“, папка № 15, документ 18.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4258, л. 12.

ветом, стремясь выиграть время для укрепления Эриванской крепости и дать возможность Аббасу-Мирзе подоспеть на помощь.

Следует отметить, что хотя и эриванский хан выступал с защитой интересов Персии, он, однако, опасался и мести со стороны шаха, так как в течение долгих лет не выплачивал установленных для Эриванского ханства податей и проводил явно сепаратистскую политику, стремясь отделиться от центрального персидского правительства. Именно за это шах лишил Мамед-хана титула и привилегий сардара и держал членов его семьи в Тегеране в качестве заложников. Эти обстоятельства и вызывали, в основном, двуличную политику эриванского хана.

Разгадав лицемерие Мамед-хана и ненадежность его заверений, Цицианов спешил начать Эриванский поход. По его приказу Кавказский гренадерский полк, во главе с генерал-майором Тучковым, выступил 29 мая по намеченному маршруту, а вслед за ним двинулся и сам Цицианов с остальными воинскими частями.¹

За семь переходов генерал Тучков добрался до Карахача, где к нему явились два армянина, доставившие ему письмо от командира Тифлисского полка генерал-майора Леонтьева.² Леонтьев сообщал, что, по приказу Цицианова, Тучков, с двумя батальонами своего полка, должен идти на соединение с отрядом Леонтьева у Гюмри (ныне Ленинакан), на берегу р. Ахурян (Арпачай).³

Русская армия вошла в Шурагель, а 9-го июня Тучков с двумя батальонами и 5 пушками соединился с отрядом генерала Леонтьева на берегу Арпачая. Сюда же прибыл и состоявший из 100 человек армянский добровольческий отряд.⁴

Персидский лагерь был разбит на расстоянии 18 километров от стоянки русских войск. По доставленным сведениям, в персидской армии было 8 000 сарбазов.⁵

Первое столкновение между русскими и персидскими войсками имело место на рассвете 10 июня у местечка Малый Караклис (в 7 километрах от Гюмри) и закончилось победой русских; персы потеряли убитыми 100 человек, столько же было захвачено в плен. Из рук персов было вырвано 400 армянских семейств, которых угоняли в глубь страны.

12 июня в Арпачайский лагерь (под Гюмри) прибыл ген. Цицианов с остальными русскими частями. Численность наступавшего на Эривань русского корпуса была не очень велика. В корпус входили следующие части:

три батальона Кавказского гренадерского полка	1100 чел.
два батальона Тифлисского мушкетерского полка	650 "
два батальона Саратовского мушкетерского полка	1200 "
два батальона 9-го Егерского полка	400 "
Всего	3350 чел.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4258, л. л. 18—126.

² Там же, л. 90.

³ Там же, л. 14.

⁴ Там же, л. 15.

⁵ Там же.

Кроме того были кавалерийские части:

три эскадрона Нарвского драгунского полка	300 чел.
казаков линейных	350 „
отряд из представителей закавказских народов	370 „

Всего конницы 1020 чел.

Таким образом, назначенные в Эриванскую экспедицию войска состояли всего из 4370 воинов с приданными к ним 20 полевыми пушками.¹

Почти аналогичные сведения о численном составе экспедиционного корпуса сообщает и Н. Дубровин: по его данным, «во всем отряде было до 4561 человек, с двенадцатью орудиями».²

Свыше 200 арб, данных экспедиционному корпусу, были предназначены для перевозки боеприпасов, амуниции и провианта.

Чувствуя нависшую над собой угрозу, эриванский хан в своих переговорах с Цициановым применил весь арсенал хитрости и коварства. Для того, чтобы обмануть Цицианова и отвлечь его внимание, хан через специальных гонцов извещал, что Аббас-Мирза идет с войском, чтобы занять Эриванскую крепость, но что он, хан, будет лично руководить обороной своей крепости. Одновременно хан с лицемерным подобострастием заверял Цицианова в «дружбе» и «преданности» русским, но Цицианов не поддался хитроумным проискам Мамед-хана и, перегруппировав свои силы, 15 июня двинулся через Апаран на Эривань, поручив командование авангардными частями генералу Тучкову, а арьергардом—генералу Леонтьеву.

В пути ген. Цицианов получил подтвердившееся впоследствии донесение о том, что персы сосредоточили в окрестностях Эривани 60-тысячное войско для защиты Эриванского ханства. Поскольку сам Цицианов выступил в Эриванский поход с войсками, не превышающими 4500 человек, успех похода он связывал со стремительной наступательной тактикой, возлагая всю надежду на храбрость русского солдата, более современное (сравнительно с персидским) русское оружие и активное содействие местного армянского населения.

19 июня головной отряд русских войск подошел к Эчмиадзину.³ Русское командование предполагало, заняв Эчмиадзин, утвердятся там, дать передышку своим войскам, а затем начать переговоры с эриванским ханом о сдаче как самой Эривани, так и ее крепости.

Прибыв к Эчмиадзину раньше русских, персы засели за крепкие стены монастыря и укрепились в окрестных садах. Они встретили русские авангардные части усиленным обстрелом и даже сумели отразить пять следовавших одна за другой атак русских войск.⁴

Основные силы русских и войсковой обоз подтягивались очень

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4258, л. 18.

² Дубровин Н., Закавказье от 1803 по 1806 гг., стр. 295.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4258, л. л. 86 - 126.

⁴ Там же.

медленно. Условия в безводной степи, вместе с нестерпимым зноем Араратской долины, сильно мешали продвижению русских войск. Часть отставшего обоза была даже захвачена персами.¹

20 июня к русским войскам, стоявшим лагерем под Эчмиадзином, подступил сам персидский наследник принц Аббас-Мирза, стремившийся не только помешать продвижению русских к Эривани, но и наголову разбить корпус Цицианова, чтобы расчистить себе дорогу на Тифлис.

Однако, встретив стойкое сопротивление русских войск, подкашиваемые метким огнем русской артиллерии войска Аббаса-Мирзы откатились обратно.

Также неудачно кончились атаки персов на русские позиции 21-го и 22-го июня. Каждая атака персидских войск встречала упорное сопротивление русских, численностью уступавших персам.

В первых же боях у Эчмиадзина русские солдаты проявили свойственные им отвагу и стойкость. Особенно сильное впечатление произвела на персов русская артиллерия, внушавшая им непреодолимый ужас.²

Однако, после повторных безуспешных попыток взять Эчмиадзин, Цицианов решил не терять здесь более времени, а нанести основной удар по стоянке Аббаса-Мирзы и открыть прямую дорогу на Эривань. Цицианов был уверен, что в таком случае персы и сами оставят Эчмиадзин.³

25 июня русские войска заняли Канакер. Персы отступили по направлению к Эривани. 28 июня в русский лагерь под Эчмиадзином явилось несколько армян с известием о том, что персы покинули Эчмиадзинский монастырь и отступили. По их же сообщению, в монастыре сохранился запас провианта. Эта весть очень обрадовала Цицианова, поскольку в войсках уже ощущался недостаток провианта. Цицианов тотчас же распорядился занять Эчмиадзин, а сам в ночь с 29 на 30 июня переправился на левый берег реки Зангу и атаковал персидский лагерь. Атака русских войск увенчалась победой.⁴

Аббас-Мирза был вынужден бросить свой лагерь и отступить, намереваясь перенести свою стоянку на левый берег Аракса. Мамед-хан Эриванский, узнав о неудаче и отступлении Аббаса-Мирзы, послал ему богатые дары, умоляя разбить лагерь под Эриванью и принять участие в обороне Эриванской крепости.

Аббас-Мирза согласился на предложение Мамед-хана и разбил свой лагерь на р. Гарни-чай (Азат). В ответ на это Цицианов 2 июля продвинулся вперед и осадил Эривань.⁵

Маска двуличия с Мамед-хана была сорвана; хотя он и продолжал попрежнему засыпать Цицианова своими письмами, уверяя его в «верности» и «дружбе», однако не вызывал сомнения факт его враждебного отношения к России и солидарности с персами.

¹ ЦГВИА, ф. РУА, л. 4258, л. 20.

² Там же, л. 86—126.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

В своем донесении Александру I от 4 июля 1804 года Цицианов следующим образом описывает осаду Эривани:

«2-го числа сего месяца на рассвете, выступая из лагеря на реке Кырх-булаг при деревне Канакирь, расположенного в боевом порядке, достиг до предместья Эриванской крепости без встречи неприятеля; да и при входе в оное не найдя его, выбрал налево от въезда за бугром безопасное и пространное место для плацдарма, где дождавшись всего отряда, долженствовавшего медлительно спускаться с горы в предместье, отправил вправо к реке Занге, на базар, Кавказского гренадерского полка при шефе оного, генерал-майоре Тучкове, и два батальона Тифлисского мушкетерского полка при генерал-майоре по армии Леонтьеве... Сам же при шефском Саратовского полка батальоне, командуемом генерал-майором Портнягиным, пошел в ханский сад. 9-й Егерский полк оставлен был на сборном, яко безопасном месте в резерве, со всеми хотя и малыми обозами, состоящими из вьюков. Нигде сопротивления не встречено, кроме базара, мечети и карвансарая».¹

3-го июля, закончив полностью окружение Эриванской крепости, Цицианов приступил к ее бомбардировке.

На третий день бомбардировки крепости к Цицианову в лагерь явилась делегация, которая вручила ему следующее заявление Мамед-хана:

1. «Что хан Эривани весьма сожалеет, что не мог ему (Цицианову—З. Г.) сделать надлежащей встречи, но не яко своему неприятелю, а яко почтенному своему соседу». 2. «Что хан ничего так не желает, как покровительства и защиты великого государя Российского». 3. «Что дань, которую хан по обязанности своей не платил Грузии, у него готова за 6 лет по 40000 рублей серебром за каждый год». 4. «Далее намерен хан говорить о городе». 5. «Извиняется в сделанных из крепости выстрелах, говоря, что он не мог от своего имени унять своевольного азиатского народа».²

Конечно, все эти переговоры и заверения надо отнести к очередной попытке хана хитростью и лестью отвести глаза Цицианову. А Цицианов, не доверяя Мамед-хану, все же не переходил к решительным военным действиям, надеясь устроить хана самим присутствием русских войск под стенами Эривани и недвусмысленными угрозами на случай отказа сдать крепость. Он не учитывал того факта, что при нападении крупных сил персов на русский лагерь у Эчмиадзина тот же эриванский хан, уверенный в победе войск Аббаса-Мирзы, всемерно помогал персам, вплоть до того, что снял с вооружения крепости четыре пушки и отослал их в распоряжение Аббаса-Мирзы.³ Однако, когда персидские войска с тяжелыми потерями были отброшены от Эривани, Мамед-хан поспешил возобновить свои двучленные переговоры, заверяя, что готов сдать русским свои владения и даже принять русское подданство. Цицианов не разгадал замысла Мамед-хана, старавшегося ввести русских в заблуж-

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4258, л. 154.

² Там же.

³ Там же, д. 6171, л. 29.

денне и затягивавшего переговоры с тем, чтоб выиграть время, пока персидский шах с вспомогательными силами подоспеет на помощь Аббасу-Мирзе. Недальновидность Цицианова тем разительнее, что еще 4 июля он сам писал в донесении Александру I:

«Так как 3-го числа хан начал засылать через армянского патриарха Даниила письма, то и удержался я бомбардированием крепости. А ныне хан прислал посольство с извинением на письме в том, что стреляли по нашим войскам против его воли и что он все готов выполнить, кроме сдачи города. Я же, не отвечая ему письменно, приказал его послу ему объявить, что прежде всех могущих быть переговоров он должен мне выдать патриарха Даниила... а также патриарха Давида и все богатства Эчмиадзинского монастыря. А потом, что не токмо условия делать о сдаче города, но и мыслить о том не могу после троекратных опытов его вероломства и, особливо, последнего, состоящего в том, что он, ища покровительства всероссийского, просил моей защиты, а потом прогнанного из Канатери неприятеля нашего, бегущего в Аракс, возвратил, дал ему все выгоды припасами и, в разные времена, четыре пушки...»¹

Цицианов надеялся, что осада принудит хана принять предложенные ему условия и сдать крепость. Крупной ошибкой Цицианова нужно признать то, что он не перешел к активным военным действиям с первого же дня осады. К этому времени все преимущества были на стороне русских: хотя Аббас-Мирза и разбил свой лагерь всего в 5—6 километрах от Эривани, но его войска, в результате понесенного от русских поражения, были совершенно деморализованы, находились во власти панического страха перед русскими и не способны были сражаться. Персидский шах со своим войском был еще далек от Эривани; положение эриванского хана было очень тяжелым: он не доверял гарнизону крепости и еще более опасался за свой тыл; к тому же симпатии эриванских армян были целиком на стороне русских.

Ген. Цицианов не рассчитал и того, что экспедиционный корпус не был обеспечен достаточным количеством боеприпасов, аммуниции и провианта для длительной осады и что в подобных условиях русские могли добиться успеха лишь в результате стремительного натиска. Этот обуславливающий победу важный момент был упущен Цициановым с первых же дней осады и он не мог не сказаться на результатах Эриванского похода.

Сознавая двуличие и коварство политики Мамед-хана, Цицианов все же не терял надежды мирным путем добиться своей цели, питая известное доверие к заверениям, которые щедро рассыпал в своих письмах из Эривани Мамед-хан.

Мамед-хан в ответ на письмо Цицианова от 2-го июля сообщил, что он согласен на все условия, кроме требования о сдаче крепости, то есть фактически он отвергал то основное требование, которое выдвигал Цицианов с самого начала военных действий.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 6171, л. 29.

Лишь после этого Цицианов распорядился начать военные действия против крепости, которые выразились в первые дни в виде малоинтенсивной бомбардировки крепости.

Все это, разумеется, во многом улучшило положение персов. Аббас-Мирза поспешно укреплял свой лагерь на Гарни-чае (Азат). 14-го июля к нему уже присоединился с 15-ти тысячным войском персидский шах. Ситуация изменилась явно в пользу персов.

Персы, стремясь оттеснить войска Цицианова от Эривани, сами перешли к активным военным действиям. Приняв решение не снимать осады с Эривани, Цицианов стал напрягать все силы для отражения персидских атак.

15-го июля объединенные персидские силы перешли в общее наступление на войска Цицианова.¹

Значительные силы персов прежде всего ударили по левому флангу, которым командовал ген.-майор Леонтьев.

Несмотря на превосходящие силы персов, русские солдаты сражались с необыкновенной отвагой и стойкостью, неизменно отбрасывая назад противника.

Второй крупный отряд персов, перейдя реку Зангу, атаковал позиции, занятые полковником Цехановским, но встреченный сильной контратакой русских, отступил с большими потерями, потеряв, между прочим, одно боевое знамя.²

Третий персидский отряд подступил было к расположению войск ген.-майора Портнягина, но, не завязав сражения, отошел на исходные позиции.

Одновременно с наступлением персидских войск Мамед-хан предпринял вылазку из крепости, направив удар по правому флангу русских войск. Но батальон Кавказского гренадерского полка подполковника Симоновича встретил наступающих в штыки, успешно отразил персидскую вылазку, уничтожив почти всех ее участников.

Наступление персов, длившееся свыше восьми часов, не принесло им успеха. Понеся большие потери, персы вынуждены были отступить на исходные позиции.³

В этих боях русские солдаты проявили исключительное мужество и неустранимость, отразив несколько раз превосходявшего их численностью неприятеля.

Несмотря на создавшуюся для русских войск неблагоприятную обстановку, генерал Цицианов предпринял попытку сконцентрированным артиллерийским огнем пробить брешь в крепостных стенах, чтобы через нее ворваться в крепость.

Однако и эта попытка экспедиционного корпуса не увенчалась успехом. Русские встречали упорное сопротивление крепостного гарнизона, подвергаясь в то же время непрерывным атакам персидских войск.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4258, л. л. 86—126.

² Там же.

³ Там же.

Цицианов решил сам совершить нападение на лагерь персиан, поручив командование над выделенным для нападения отрядом в 700 штыков ген.-майору Портнягину. Однако силы русских и персов были слишком неравны. Убедившись в малочисленности напавшего на них отряда, персы перешли в контратаку против ген. Портнягина, и лишь благодаря беззаветной отваге русских солдат отряд сумел пробиться через ряды вдесятеро превосходящего его численностью неприятеля и почти без потерь вновь соединиться с главными русскими силами.¹

За все время этих напряженных боев эриванский хан не переставал бомбардировать из крепости русские позиции. Из крепости совершались частые вылазки, и подвижные персидские отряды, пробиваясь сквозь цепь осаждающих русских войск, добирались до персидского лагеря и вновь возвращались в крепость.²

В этих тяжелых условиях Цицианов продолжал держать Эривань в осаде, несмотря на то, что не только на эриванском театре военных действий, но и во всем Закавказье обстоятельства складывались далеко не в пользу русских.

Взятие Эривани затягивалось. Персы сосредоточили под Эриванью крупные военные силы, возглавленные самим шахом и наследным принцем Персии. Эриванский хан оказывал упорное сопротивление русским. Занятие крепости силой оружия становилось невозможным. К тому же, с каждым днем таяли запасы провианта и боеприпасов в армии Цицианова, что еще более затрудняло даже пассивное продолжение осады Эриванской крепости. В результате недостаточного питания и сильного зноя участились случаи смертности среди солдат.

В эти критические для армии Цицианова дни в Грузии вспыхнули волнения. С восставшими поддерживали тесные связи грузинские царевичи Юлон и Парнаоз. Руководствуясь узко-личными расчетами, отображая интересы небольшой кучки реакционной грузинской знати и выполняя наказ персидских захватчиков, царевичи пытались удержать Грузию от исторически-создавшейся для нее необходимости присоединения к России: эта реакционная линия поведения шла против желания, воли и интересов грузинского народа и привела бы Грузию к расчленению между Персией и Турцией.

15 июля 1804 года вспыхнуло крупное восстание кавказских горцев, в результате чего была совершенно прервана связь между Россией и Грузией.

Создавшаяся серьезная угроза владычеству русских в Закавказье поставила перед Цициановым дилемму: либо продолжать осаду Эривани, либо, отступив от Эривани, подавить вспыхнувшее в Грузии восстание и обезопасить свой тыл.

30 августа от Мамед-хана был получен ответ на письмо Цицианова от 26 числа, в котором Цицианов категорически требовал от хана сдачи крепости, гарантируя хану безопасность и благополучие.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4258, л. л. 86—126.

² Там же.

Со свойственным ему лицемерием и вероломством эриванский хан заверял Цицианова, что как только шах удалится от Эривани, немедленно приступит к переговорам о сдаче крепости. Конечно, это была обычная увертка хана, пытавшегося вновь обмануть Цицианова.

31 августа Цицианов созвал военный совет с участием ген.-майора Тучкова, Леонтьева и Портнягина, полк. Майнова, подполк. Симоновича и бар. Клодта фон-Юргенсбург. Охарактеризовав создавшееся тяжелое положение, Цицианов поставил на разрешение военного совета вопрос о дальнейших действиях.¹ В военном дневнике Цицианова об этом совещании записано:

«На оном главнокомандующий предложил все бумаги к чтению, объясняющие крайность со стороны продовольствия, а именно: рапорт князя Чавчавадзе, обнадеживающий его вначале доставкою провианта, а на конец объявляющий невозможность, и рапорт майора Ходжаева о истреблении майора Монтрезора с командою; письмо хана Эриванского, подающего надежду к сдаче города, но откладывающего сие в даль, присовокупляя к тому, что все сообщения с Грузией прерваны, что нет никакой надежды получить провиант, и, что в войске осталось только на три дня половинной дачи на каждого, исключая 40 четвертей, в Эчмиадзине находящихся. Спрашивал, так как господам членам совета все прочие обстоятельства, не позволяющие продолжать блокаду, известны,—то предпринять ли штурм или отступить от города?

И с сим вышел вон, передав сие на размышление».²

Военный совет, подробно обсудив создавшееся положение, принял решение снять осаду Эривани и отступить к Тифлису. Против этого решения возражал лишь ген.-майор Портнягин, настаивавший на продолжении осады. Аналогичного мнения держался и сам ген. Цицианов.

Однако, до приведения в исполнение решения военного совета, Цицианов 1-го сентября в последний раз обратился к Мамед-хану и населению Эривани, предлагая сдать крепость и город на следующих условиях:

- 1) Сдать Эриванскую крепость русским войскам.
- 2) Присягнуть на верность Российской империи.
- 3) Выплачивать ежегодно по 100 тысяч рублей дани.³

В случае согласия на эти условия Цицианов обещал сохранить за ханом все его права и привилегии.

Получив послание Цицианова, Мамед-хан, конечно, и не подумал обнародовать его. 2-го сентября он сообщил о своем отказе выполнить условия русских.⁴

Лишь после этого Цицианов решился снять осаду крепости и отступить.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4258, л. 45.

² Там же.

³ Там же, л. 86—126.

⁴ Там же.

3-го сентября русское войско начало отступать к Эчмиадзину.¹

4-го сентября русские войска оставили также и Эчмиадзин, а 14—15 сентября дошли до местечка Караклис (в Памбаке).²

Так закончилась первая попытка русских войск освободить Эривань от персидского ига.

Как ни тяжело было впечатление от неудачи Эриванского похода Цицианова, армяне все же не теряли надежды на спасение. Они воочию убедились в силе русского оружия, верили в близившееся освобождение из-под персидского ига с помощью русских, с великим воодушевлением готовились помочь русским в осуществлении своих заветных чаяний.

Эриванский поход Цицианова принес свои результаты: появление русского экспедиционного корпуса под стенами Эривани ослабило Эриванского сардара, вызвало панику, способствовало завоеванию и присоединению к русским владениям подвластного эриванскому хану Шурагяльского магала (Ширака).

Военно-экономическое значение Шурагяла в этот период было довольно значительным: этот богатый район, в случае необходимости, мог снабжать продовольствием русские войска, а с другой стороны—играл роль буфера между Грузией и Персией и Турцией.

Какое значение придавало Шурагялу русское командование—видно из следующего описания П. Ковалевского:

«Шурагель, действительно, был нам полезен, так как эта страна представляла собою хлебную житницу и могла служить для России продовольственным краем при войне как с Персией, так и с Турцией; кроме того, Шурагель являлся буфером между границами России и Эриванью и Ахалцыхом».³

Во время продвижения русского войска владетель Шурагяла Будаг-султан, бывший в подчинении эриванскому хану, держался враждебно-выжидательно. По подстрекательству эриванского хана он совершал частые набеги на Грузию. Для усмирения Будаг-султана Цицианов приказал ген. Несветаеву выступить с русским отрядом на Шурагял и занять его. В то же самое время эриванский хан вызвал Будаг-султана к себе и задержал его, как заложника, требуя выкупа. Население Шурагяла заявило о своем желании перейти в русское подданство и обратилось за помощью к русским.

30 марта 1805 года сын Будаг-султана и ген. Несветаев подписали соглашение о присоединении Шурагяла к России.

В. Потто писал о завосвании Шурагяла:

«Впрочем, и этот неудачный поход (речь идет об Эриванской экспедиции Цицианова—З. Г.) нанес такой удар Эриванскому ханству, что почти непосредственно за ним, в январе 1805 года, генерал Несветаев уже без усилий отторгнул от него и присоединил к русским владениям

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 4258, л. л. 86—126.

² Там же.

³ Ковалевский П., Завоевание Кавказа Россией, изд. II, стр. 114, СПб.

важную Шурагельскую область, прикрывавшую Грузию не только со стороны Эривани, но и со стороны турецких крепостей Карса и Ардагана».¹

Попытка эриванского сардара, непосредственно вслед за этим, силой оружия вытеснить русских из Шурагяла не увенчалась успехом. Невсетаев не только отразил нападение войск сардара, но и преследовал их до самого Эчмиадзина.

Шурагял был бесповоротно присоединен к России.

Вернувшись из неудачного похода на Эривань ген. Цицианову удалось быстро подавить вспыхнувшие в Грузии внутренние волнения. Он возобновил переговоры с карабахским Ибрагим-ханом, требуя принятия им русского подданства, хотя тот тянул с окончательным ответом, умышленно затягивая начатые в Шуше переговоры.

В целях ускорения переговоров, 16 января 1805 года Цицианов приказал майору Лисаневичу выступить на Шушу. Ибрагим-хан понял, что дальнейшее промедление грозит ему участью Джавад-хана Ганджинского. Пригласив к себе 21 февраля майора Лисаневича, Ибрагим-хан заявил ему, что принимает предложение Цицианова о переходе в русское подданство.

На расстоянии 30 верст от Ганджи, на границе между Ганджинским ханством и Карабахом, в шатре, разбитом над рекой Кюрак-чай, Ибрагим-хан и генерал Цицианов 14 мая 1805 года подписали договор, по которому Карабахское ханство переходило под власть русского государства.

21 мая, на берегу того же Кюрак-чая, при тех же условиях, принял русское подданство и подписал договор шекинский Селим-хан.

Кюракчайский договор еще более расширил пределы русских владений в Закавказье.

Таким образом, несмотря на то, что поход Цицианова не привел к присоединению Восточной Армении к России, все же, в результате кампании 1804—1805 гг., значительная часть армянского населения Грузии и Азербайджана, вместе с находившимися в подчинении Грузии районами Восточной Армении, была освобождена от персидского ига и перешла под власть России.

* * *

2-го июня 1806 года правителем Грузии и главнокомандующим кавказскими войсками был назначен 70-летний ген. И. В. Гудович.

Перед Гудовичем была поставлена задача не только упрочить русское владычество в Закавказье, но и расширить пределы русских владений и, в первую очередь, присоединить к России территории Восточной Армении, а также некоторые районы Азербайджана, все еще находившиеся под владычеством Персии.

¹ Потто В., Кавказская война в отдельных очерках, т. I, выпуск I, стр. 336, СПб, 1887.

Но усилия русского царизма расширить сферу своего влияния на Ближнем Востоке встретили сильное сопротивление Персии и Турции, с одной стороны, и французских и английских колонизаторов, с другой, еще более усиливших с начала XIX века свое вмешательство в дела Закавказья и вообще Ближнего Востока.

Франция и Англия упорно препятствовали распространению русского влияния на страны Ближнего Востока, причем каждая из этих держав старалась подчинить весь Ближний Восток своему влиянию. Особенно страшилась усиления русских Англия, опасавшаяся создания сильного плацдарма против своей захватнической политики на Ближнем Востоке. Ставились под угрозу позиции англичан не только в Средиземноморье, на берегах Индийского океана, в Турции и Персии, но и в главной сырьевой базе английских колонизаторов—в Индии.

На Ближнем Востоке столкнулись интересы Англии и Франции. Наполеон Бонапарт, не сумев «континентальной блокадой» поставить на колени Англию и осуществить свой план вторжения на Британские острова,¹ решил нанести удар Англии как державе колониальной, стремясь, в первую очередь, поколебать позиции англичан в Индии. Наполеон не жалел усилий для того, чтобы овладеть Индией; прекрасно понимая, что кратчайший путь в Индию лежит через Оттоманскую Порту, он стремился подчинить своему влиянию восточное побережье Средиземноморья, Сирию, Египет, а также Персию. Вот почему Наполеон не останавливался ни перед чем, чтобы только помешать Англии и союзной с ней (до Тильзита) России упрочить их влияние в Персии и Турции.

В свою очередь Англия и Россия, состоявшие (до Тильзитского мира) в коалиции против Франции, всеми мерами старались отстранить Францию от Персии и Турции, добившись на первых порах некоторых успехов в этом направлении.

Однако одержанная Наполеоном победа над Австрией в 1805 году оказала решающее влияние на позицию Турции.

Султан Селим занял благожелательную в отношении Франции позицию, официально признав Наполеона императором Франции. Вскоре между обеими странами был совершен обмен послами. Таким образом, Турция превратилась в руках Наполеона в орудие борьбы против России.

Враждебная позиция Турции по отношению к России приобрела еще более явный характер в конце лета 1806 года, когда в Константинополь прибыл ловкий и двуличный посол Наполеона ген. Себастьяни, действовавший против России по специально данной ему Наполеоном секретной инструкции.²

Наполеон предписал Себастьяни прежде всего «внушить Высокой Порте уверенность в том, что Франция желает лишь усиления Турции». Второй пункт предписывал послу добиться тройственного военного сою-

¹ См. Академик Е. Тарле—«Наполеон», стр. 114, 136—138, Москва, 1939.

² История XIX века, под ред. профессоров Лависса и Рамбо, т. II, стр. 123—124. Гос. соц.-экон. изд., Москва, 1937.

за (Франции, Оттоманской Порты и Персии), направленного против России. Седьмым пунктом своей инструкции Наполеон требовал закрыть Босфор для России, вернуть под власть самодержавной Порты Оттоманской Молдавию и Валахию. В последнем, восьмом, пункте Наполеон утверждал о том, что он отнюдь не стремится к расчленению Турецкой империи и, что если бы ему предложили три четверти всех турецких владений, он наотрез отказался бы. Наполеон заверял, что он стремился лишь укрепить великую турецкую державу и противопоставить ее России.

В Турции появились многочисленные французские офицеры, начавшие обучать турецкую армию. Под наблюдением французских военных инженеров в Турции стали возводиться военные сооружения и крепости. Французские дипломаты не останавливались ни перед чем, чтобы спровоцировать военное столкновение между Турцией и Россией. Объявление Турцией войны России (в декабре 1806 года) явилось во многом следствием деятельности агентов Наполеона.

Война с Турцией ухудшила положение России в Закавказье, поскольку Россия находилась еще в состоянии войны с Персией. Разрыв мирных отношений с турками означал войну в Закавказье на два фронта—одновременно и против Турции, и против Персии.

Для того, чтобы разрядить создавшуюся тяжелую обстановку, генерал Гудович начал переговоры о заключении мира с персидским шахом, поставив предварительным условием присоединение Эриванского и Нахичеванского ханств к России и установление русско-персидской пограничной линии по рекам Кура и Аракс. В Тегеран, для ведения переговоров о мире, Гудович послал своего адъютанта, капитана Степанова.

Однако Наполеон, достигший уже крупных дипломатических успехов в Турции, начал плести сеть дипломатических интриг и в Персии.

Усилия наполеоновской дипломатии привели к росту французского влияния при дворе персидского шаха.

Подстрекаемый французами персидский двор отверг предложенные русскими условия мира.

Более того, персидское правительство полагало, что оно не только не пойдет на новые уступки, но и сможет добиться удаления русских из Закавказья.

Чем дальше, тем дружественнее становились взаимоотношения Наполеона и Фат-Али-шаха. Дело дошло до того, что Наполеон обещал персидскому шаху помочь в восстановлении былого величия Ирана.

Но основная задача Наполеона заключалась в создании крепкого турецко-персидского союза против России и Англии.

Франко-персидские переговоры закончились тем, что персидское правительство послало особого посла к Наполеону со специальными полномочиями, для заключения официального договора.

4-го мая в Финкенштайне был подписан договор о союзе между Францией и Персией.

После подписания франко-персидского договора в Персию прибыли французские офицеры, которые принялись обучать войска и строить кре-

пости. Имеются сведения, что французские инженеры участвовали также в возведении новых укреплений в Эриванской крепости.

По этому поводу генерал Гудович писал:

«Крепость Эриванская укреплена по всем европейским военным правилам, имея две стены и впереди них—ров и гласис. Во рву поставлены были пушки и действовали картечью, что прежде никогда персияне не делали. Также были фугасы и бомбы с подведенными штапелями, почему и нельзя больше сомневаться о причине нарочной присылки в Эривань и Эчмиадзинский монастырь французского инженерного капитана, который был в сих местах до прихода моего с войсками в Эриванскую область и о чем я еще прежде сообщал...»¹

Приведенные факты свидетельствуют о том, что с начала XIX столетия Англия и Франция, исходя из своих захватнических целей, прибегают к активному вмешательству в дела как Персии и Турции, так и Закавказья.

Таким образом, кампания за присоединение Армении к России совпадает по времени с обострением противоречий между европейскими державами, соперничавшими за влияние на Ближнем Востоке.

Начиная с этого времени судьба ближневосточных стран и народов, в том числе армянского народа, делается объектом купли и продажи для западно-европейских держав, ведущих захватническую политику.

В период франко-персидского сближения Александр I отдает приказание Гудовичу начать со стороны Закавказья активные военные действия против Турции, чтобы войной на два фронта отвлечь внимание Турции и не дать ей возможности перебросить свои военные силы на Дунайский фронт. Иначе говоря, ведя военные действия в Закавказье против Персии, русские вступили в войну также и против Турции.

Для того, чтобы представить себе тяжелую обстановку, создавшуюся для русских войск, изложим вкратце ход основных военных действий на Закавказском фронте в первой русско-турецкой войне 1806—1812 гг.

Военные операции развернулись, главным образом, на участке Гюмри—Арпачай (ныне Ленинакан—Ахурян).

Ген. Гудович с основными силами своей армии двигался на Ахалкалаки, а части ген. Несветаева, перейдя 7 апреля 1807 года реку Арпачай (Ахурян), через неделю достигли окрестностей древнейшего армянского города Карса. Несветаев намеревался атаковать Карс, считавшийся неприступной крепостью. Однако по тактическим соображениям он, по распоряжению Гудовича, отказался от своего намерения и отступил к русской границе—Арпачаю. К лагерю Гюмри—Арпачай отступили и части самого Гудовича.

Турецкая армия, под командованием Сераскир-Юсуф-паши, двигалась к Арпачаю, ставя себе целью разбить русскую армию и вынудить ее к капитуляции. На подмогу турецкой армии спешил со своим 12-тысячным войском Аббас-Мирза. 18 июня 1807 года на Арпачае, около се-

ления Малый Караклис, разыгралось кровопролитное сражение. Со стороны русских в этой битве участвовало 7000 солдат, а с турецкой— свыше 20000. Однако, несмотря на такое неравенство сил, сражение закончилось позорным поражением турецкой армии. Победили храбрость и мужество русских солдат. Турецкая армия была разгромлена, и Юсуф-паша едва спасся позорным бегством.

Аббас-Мирза, видя поражение турецкой армии, не осмелился вступить в бой и спешно отступил в Нахичевань.

Битва у Гюмри—Арпачая была единственной крупной операцией в этой войне на закавказском фронте.

После подписания Тильзитского мирного договора было заключено временное перемирие между Россией и Турцией. Однако, по наущению английских колонизаторов, Турция в 1808 году снова начала войну против России, которая длилась до 1812 года. Но на этот раз на Закавказском фронте серьезных военных сражений уже не было.

Русская армия во время военных операций на Закавказском фронте получала активную помощь от народов Закавказья, в том числе и от армян. Армяне готовы были идти на всякие жертвы, лишь бы сбросить с себя варварский гнет феодальной Турции.

Имея в виду рассматриваемый конкретный вопрос и не желая удаляться от основной темы, мы не останавливаемся более подробно на русско-турецкой войне, ограничившись разбором войны русско-персидской.

Безрезультатность переговоров о заключении мира с Персией заставила Гудовича решиться на военный поход на Эривань,¹ тем более, что момент для этого был очень благоприятным. Тревожное внутреннее положение в Персии поглотило внимание шаха, занятого налаживанием дел внутри страны. Оказать немедленную военную помощь Эриванскому сардару шах сильно затруднялся.

Гудович намеревался внезапным и могучим ударом по Эривани вынудить сардара согласиться на предложенные русскими условия сдачи.²

О сложившейся обстановке Гудович докладывал Александру I: «Турки по замешательствам, случившимся в Константинополе и по отвлечении их войск, хотя и укрепляют крепости, соседние с Грузией и собирают войска, опасаясь моего вступления в их границы,—но не решатся предпринять наступательных действий против Грузии. А персияне, беспокоимые также некоторыми внутренними раздорами, обратили свое внимание на сии предметы, предполагая, что переговоры о мире с империей вашего императорского величества могут еще продолжаться и дать им время привести в порядок свои дела. Почему я, пользуясь сим обстоятельством, также и поздним уже временем, которое персиянам не позволило бы изнутри самой Персии собрать тотчас войска и подать Эриванской крепости сильной помощи, ибо войска их состоят большей частью из конницы, которая не нашла бы теперь довольного для себя

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4265, л. л. 4—16.

² Там же.

фуража,—решился вступить в Эриванскую провинцию с войсками, дабы сим неожиданным движением моим понудить персидское правительство к скорейшему согласию на мои решительные предложения по высочайшей воле вашего императорского величества сделанные, чтоб уступить места по реке Кура, Аракс и Арпачай, вытекающий из Шурагели, кои должны быть границей империи, Российской и Персией».¹

Эриванскому походу Гудовича благоприятствовало и то, что эриванский хан не успел еще полностью переоборудовать свою крепость. Начатая им постройка новой крепостной стены вдоль течения реки Зангу не была еще завершена. Не было в крепости и достаточного количества войск.²

Пограничная линия российских владений накануне Эриванского похода Гудовича проходила через Каракилису—Кишлах (в Памбаке), затем—через села Дарбас, Амамлы (ныне Спитакского района), Имрхан, Талибоглы, Махмуджук, Ором, М. Артик (ныне Артикского района) и Гюмри³ (ныне город Ленинакан).

В этих населенных пунктах у русских были укрепленные сторожевые пункты, охранявшие русскую государственную границу от частых разбойничьих турецко-персидских набегов со стороны Эривани, Карса и Ахалцыха.

В начале сентября 1808 года Гудович, во главе 6000 войск с 12-ю орудиями, выступил через Памбак в поход на Эривань.⁴ Так начался второй крупный поход русских, предпринятый для завоевания Эриванского ханства.

Двигаясь походным маршем на Эривань, Гудович приказал ген.-майору Небольсину, который в это время с особым отрядом находился в Карабахе, идти на Нахичевань. Перед генералом Небольсиным ставилась задача овладеть Нахичеванью и закрыть ведущую к Эривани дорогу, с тем, чтобы лишить персидского шаха возможности присылать вспомогательные силы эриванскому сардару.

В своем военном дневнике Гудович писал об этом:

«Я тотчас предписал с нарочным курьером генерал-майору Небольсину, с особым отрядом стоявшему в Карабагском владении, дабы он через Карабаг немедленно двинулся прямо до дороги к Нахичевану и старался бы занять оный, в то время, как я прибуду к Эривани, дабы сими действиями персов перенять и поставить их в невозможность подать изнутри Персии помощь Эриванской крепости».⁵

Появление войск Гудовича в Памбакском районе вызвало настоящую панику среди персидских захватчиков.⁶

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4265, л. л. 4—16.

² Там же, д. 4259, л. 276.

³ Там же, д. 2931.

⁴ Там же, л. 32. См. также Потто В., Кавказская война в очерках, т. I, вып. I стр. 412.

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4265, л. л. 4—16.

⁶ Там же.

Получив донесение о продвижении русских, эриванский сардар спешно выступил со своим войском к Апарану, чтобы оказать сопротивление Гудовичу.

Оставив в районах Памбака и Шурагяла необходимые заслоны, 25 сентября 1808 года Гудович двинулся на Эривань.

26 сентября части корпуса Гудовича почти без боев заняли Апаран, обратив в бегство персидские отряды.¹

29 сентября армия Гудовича дошла до Аштарака. Навстречу русской армии выступил со своей 4-тысячной конницей эриванский сардар Гусейн-Кули-хан.

В ожесточенном бою под Аштаракком войска эриванского сардара, под натиском русских войск, обратились в бегство, оставив сотни трупов на поле сражения.

В своем донесении царю генерал Гудович писал о сражении под Аштаракком:

«Оставляя подробности дальнейших моих распоряжений и моего с войсками движения, я приемлю смелость всеподданнейше донести, что 29 числа сентября месяца сам Сардар Гуссейн Кули-хан Эриванский с 4000, а по показаниям выбежавших жителей—с пятитысячною своей конницей вышел навстречу у деревни, называемой Аштарак, где он занял выгодные высоты. Но одними моими передовыми войсками, состоявшими из казаков линейного полка, также части грузинской конницы в 200 человек, и потом фланкерами, высланными из двух батальонов 15-го Егерского полка и батальона Тифлисского полка, составлявшими авангард,—неприятель был совершенно опрокинут и прогнан, устрашась драгунских эскадронов, поставленных также в боевой порядок полужэскадронами, хотя оные и не действовали, во-первых, по той причине, что их выслать в дело не было возможности, ибо все пространство усыпано было чрезвычайно острым камнем, где одна привыкшая к тому персидская конница могла действовать; а во-вторых потому, что персияне при самом начале построения эскадронов в порядок, ударились бежать.

Когда же рассеянный неприятель, оставивший на месте убитыми несколько наездников (что весьма редко, ибо они стараются увозить тела), также три фальконета и несколько ружей, удалился к Эчмиадзину,—то я, нимало не останавливаясь, на другой же день поднялся лагерь и подвинулся к самому Эчмиадзину, главному армянскому монастырю».²

На следующий день после Аштаракского сражения, 30 сентября, главные русские силы под командованием Гудовича почти без сопротивления заняли Эчмиадзин. После трехдневной стоянки в Эчмиадзине армия Гудовича двинулась к Эривани и разбила лагерь неподалеку от крепости в деревне Чарбах.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4265, л. л. 4—16.

² Там же.

Эриванский сардар, выступив из крепости с пятитысячным войском, остановился лагерем на берегу Гарни-чая (Азат), поставив во главе двухтысячного гарнизона крепости своего брата Гасан-хана.¹

По приказанию Гудовича, часть его корпуса, под командованием ген.-майора Портнягина, начала преследование отряда эриванского сардара.

Гудович записывает в свой военный дневник:

«На марше к сему лагерю выбежал из крепости один татарин, который показал, что Эриванский Гусейн Кули-хан, побывав накануне в крепости, удалился за реку Гарни-чай в так называемое Ведийское ущелье. Почему я и распорядился было, тотчас по приходе в лагерь, послать туда отряд под командою генерал-майора Портнягина, чтобы разбить и прогнать Гусейн-Кули-хана, но по трудности переправы, много меня задержавшей, я не успел уже сего сделать в тот же день, а на другой день до рассвету ген.-майор Портнягин выступил: однако же нигде не мог встретить неприятеля, который от него удалялся. Последствия оправдали сие показание. Ибо 5 числа выбежавшие из Гуссейн Кули-ханова войска два почетных Эриванских чиновника Ведийского ущелья—Султан Халилбек и Мирза-Мамад-бек—объявили, что сардарь Гуссейн Кули-хан ушел за Аракс, вправо к горам от дороги к Нахичевани. Тут же узнано было намерение сардаря, который с братом своим Гасан-ханом оставил в крепости, сверх эриванских семейств, до 2000 гарнизона, состоящего из регулярной пехоты, заведенной Аббас-Мирзою, Баба-хановым сыном, а также часть хороших персидских стрелков,—в том единственно предположении, дабы со всею своею конницею, какую имел, разъезжать по высотам, близ крепости лежащим и, наблюдая все мои движения, делать разные беспокойства. Так как по удалению неприятеля, я имел надобность в батальонах, бывших в отряде генерал-майора Портнягина, то предписал ему послать лазутчиков—узнать наверное куда он удалился, а самому с отрядом следовать назад, оставя только в ближайших деревнях нужное прикрытие для наших фуражеров».²

Вслед за этим, Гудович со всеми своими главными силами подступает к Эривани и предпринимает осаду крепости.

Начиная с того времени, как русские войска осадили Эриванскую крепость, эриванский сардар Гуссейн-Кули-хан начал высылать из своего лагеря на Гарни-чае маленькие отряды в направлении Эривани, чтобы, с одной стороны, отвлечь внимание осаждающих на себя, а с другой—разведать силы русских и выискать удобный случай пробраться в крепость, чтобы усилить ее обороноспособность.

Чтобы помешать сардару осуществить свое намерение и вообще желая обезопасить свой тыл от возможных нападений противника, Гудович вновь выслал особый отряд в район Гарни-чая, поставив перед ним

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4265, л. л. 4—16.

² Там же, д. 168, л. л. 60—72.

задачу—разбить войско сардара и отбросить его на другой берег Аракса. В донесении царю об этой операции мы читаем:

«Семнадцатого числа прислан был ко мне от подполковника Подлуцкого, командовавшего при сем отряде, что Гуссейн Кули-хан, застигнутый нашим отрядом, на рассвете разбит и прогнан за Аракс, потеряв много убитыми, а также весь свой обоз, доставшийся нашим татарам и казакам в добычу и всю свою канцелярию, находящуюся теперь у меня».¹

После победы, одержанной подполковником Подлуцким в Гарничайском лагере, Гудович еще сильнее стягивает кольцо осады Эривани. Он пишет в своем военном дневнике:

«Крепость эриванская находится в строгой осаде и крайне стеснена. Сильное бомбардирование из мортир и единорогов продолжается. Брешь-батареи в двух местах поставлены, и огонь по крепости производится. Две неприятельские башни сбиты, на коих орудия остались без действия. Также амбразуры против брешь-батареи повалены и некоторые в стене сделаны повреждения. За всем тем гарнизон в крепости, надеясь на свои укрепления, до сих пор не сдается. Ибо крепость эриванская чрезвычайно укреплена, имея гласис, а за ним две стены, снабженные артиллерией. Я однако же употреблю все способы к вшаему стеснению крепости, дабы принудить оную к сдаче, и уже успел отрезать от крепости воду, которую они с великою потерей достают теперь по ночам из речки Занги, с обрывистого и каменистого берега, под пушечным и ружейным огнем с нашей батареи, устроенной на горе Мухана, потому что имеют только малый ключ дурной воды всередине крепости. Если же упорство гарнизона продолжится, то я, по истощении всех способов к добровольному завладению крепости, может быть, смотря по обстоятельствам, решусь и на штурм оной, имея к тому все уже в готовности».²

Но вместо того, чтобы немедленно перейти к решительным военным действиям, Гудович переходит к тактике застрашивания сардара грозными посланиями, убеждая его сдать крепость мирным путем, а также обращается с воззванием к населению Эривани. Так, в одном из этих воззваний к жителям Эривани Гудович писал:

«Жители Эривани! Вы не берите в пример прежней неудачной блокады крепости эриванской. Тогда были одни обстоятельства, а теперь совсем другие. Тогда предводительствовал князь Цицианов—из молодых генералов, не столько еще опытный в военном искусстве, а теперь здесь имею счастье командовать я, водив уже более 30-ти лет сильные армии Российские. При том же в прежнюю блокаду Эривани было несравненно меньше войска, а теперь я столько имею здесь одного, что не только могу истребить крепость, но и пройти всю Персию.

За всем тем, щадя кровь человеческую, я и еще призываю вас раз-

¹ ЦГВИА, ф. ВНА, д. 4265, л. л. 4—16.

² Там же.

мыслить о предстоящем вам неминуемом бедствии, если вы будете упорствовать,—и о том спокойном обладании каждой своею собственностью и имуществом, а также уверенностью в своей жизни и безопасности, когда вы покоритесь и сдадите крепость добровольно. Избирайте же то или другое! Я отдаю сие на вашу волю. Только решайтесь скорее, пока есть еще время.

Не надейтесь, впрочем, жители Эривани, ни на какой секурс, ибо крепость ниоткуда оного не получит. Я же имею столько войска, что, обложив крепость, выйду в поле с другой частью победоносных войск русских против всякого секурса и рассею оный».¹

В большинстве случаев послания и воззвания Гудовича оставались без ответа со стороны эриванского сардара, лихорадочно укреплявшего крепость.

В то время, как Гудович был занят осадой Эриванской крепости, ген. Небольсин со своим отрядом двинулся из Карабаха в Нахичевань.

По дороге в Нахичевань отряд Небольсина одержал ряд побед над персами. Особенно крупной была его победа над армией Аббаса-Мирзы у селения Карабибы 28-го октября 1808 года. Аббас-Мирза выставил против отряда Небольсина в этом сражении 3000 человек пехоты, 10000-ную конницу, с приданными к ним 12 пушками и 60-ю фальконетами.

В Карабибском бою персы понесли большой урон убитыми и ранеными. Русские, в числе прочих трофеев, захватили у персов три пушки с полным боевым снаряжением.

Победоносный исход сражения открыл перед русскими дорогу на Нахичевань.²

Через три дня после Карабибского сражения отряд Небольсина, не встретив серьезного сопротивления, занял Нахичевань.

Осады Эриванской крепости и занятие Нахичевани русскими войсками вызвали сильное смутение и переполох в персидских кругах.

Охваченные паникой персы вновь обратились к французскому послу в Иране, генералу Гардану, прося его посредничества. Однако все переговоры и интриги Гардана не привели к положительным для Персии результатам. Хотя и сам Наполеон, как и его посол в Иране, неизменно говорили о русских, как о своих союзниках, но своею деятельностью в Персии Гардан не только ничем не способствовал русским, но продолжал скрытно проводить антирусскую политику. Это обстоятельство немало затрудняло быстрое и положительное разрешение персидской проблемы.

Антирусская деятельность ген. Гардана и его миссии в Персии не была ни для кого тайной. Дело дошло до того, что посланный по распоряжению Гардана в Эривань французский военный инженер руководил укреплением Эриванской крепости.

В одном из своих донесений царю Гудович писал об этом:

«...Французская в Персии миссия, несмотря на дружественный союз

¹ Акты, т. III, стр. 237—238.

² ЦГВИА, ф. ВУА, л. 4266, л. л. 1—2.

с нами, более теперь вредит делам моим с Персиею, нежели они прежде то делали во время войны с Францией. Ибо они возгордили Баба-хана, пишут и уверяют Персидское правительство, что могут все то сделать, что только захотят.

Из подлинного письма французского в Персии посла, генерала Гардана, писанного на татарском языке, с подписью посла, к Аббасу-Мирзе, Баба-ханову сыну, и которое по разбитии сардаря Гусейн Кули-хана, досталось в мои руки, вместе со всею его отбитою канцеляриею, вы лучше усмотреть изволите—сколько французская миссия мне препятствует в успешном окончании дела, с Персией продолжающегося. Они же, при движении моем с войсками к Бамбаку и прежде, нежели я вступил в Эричанские границы, присылали одного инженерного офицера—Вердие и других, в Эриванскую крепость и в Эчмиадзинский монастырь для осмотра и укрепления оных». ¹

Любопытные записи о французских происках в Персии встречаются в том же дневнике Гудовича:

«...Генерал Гардан, видя что все действия мои не соответствуют тем уверениям, кои он, во вред интересам России, делает персидскому министерству для поддержания своей доверенности,—обратился к последней решимости, чтобы, под предлогом гарантии, коею Франция обязалась сохранять, целость персидских провинций (хотя гарантия сия была обещана во время войны России с Францией) уговорить меня оставить военные действия и выйти с войсками из Эриванской области, тогда как я силою оружия русского имел уже в своих руках (кроме одной крепости Эриванской) все те границы, кои были по высочайшему повелению мною затребованы от Персии.

С сим-то предложением был прислан ко мне секретарь французского посольства господин Лажар, имея при том от генерала Гардана полномочие протестовать против меня, если я не соглашусь на его предложения.

Излишне было бы здесь распространяться о разговоре, который я с ним имел по сему предмету и о тех доводах, коими ясно доказал ему, сколько предложения сии не соответствуют искренней дружбе и тесной связи; существующей между Всероссийской империею и Франциею. Почтеннейше присовокупляю, что я совершенно остановил Лажара, показав, ему весь ход наших дел с Персиею, и заставил его не только признаться в том, что таковой протест его не может иметь места, но и что он сам в сем случае находил ошибку своего министра, генерала Гардана. Потом довел до того, что он сам, без требования моего, вызвался написать к коменданту Эриванской крепости, что, хотя он и был прислан ко мне с тем, дабы уговорить меня оставить военные действия и выйти с войсками из Эриванской области,—но так как он встретил со стороны

¹ ЦГВИА. ф. ВУА. л. д. 4265, л. л. 17—18.

моей решительное на то несогласие: то потому бы крепость на него более не надеялась и что он не может уже действовать к ее пользам».¹

Неудачами франко-персидской дипломатии не преминула максимально воспользоваться Англия в целях усиления своего престижа и влияния в Персии.

С величайшей поспешностью в Тавриз была отправлена английская дипломатическая миссия. Щедро подкупив богатыми подношениями всех членов шахской семьи и влиятельных сановников, английская миссия начала свою подпольную работу при персидском дворе.

Англо-персидские переговоры завершились тем, что английские дипломаты пообещали персам не только бывшие персидские ханства в Закавказье, но даже и Грузию.

Вот, поистине, один из многих примеров традиционной политики западно-европейских дипломатов—во имя собственных интересов делать предметом торга судьбы и закавказских народов, и самих турок и персов.

Англо-персидский союз нанес удар по франко-персидским отношениям. Он являлся новым серьезным препятствием для осуществления русских планов в Закавказье, в том числе и для освобождения Эривани от персидского ига.

В момент, когда и Эриванский сардар, и персидский двор еще находились под сильным впечатлением одержанных русскими войсками побед и осады Эриванской крепости, ген. Гудович, вместо решительного штурма, бомбардировал эриванского сардара и городское население Эривани письмами и воззваниями.

17 октября он обратился с новым письмом к коменданту Эриванской крепости Гасаи-хану:

«При самом еще приближении моем с сильною победоносною Русскою армиею к крепости Эриванской и прежде, нежели я приказал одной только части моих войск взять форштадт и обложить оной со всех сторон, тогда как сам стал и стою со всею армиею на виду крепости,—я требовал от вас и от всего эриванского народа добровольной сдачи крепости, обещая, что весь гарнизон, защищающий сию крепость, будет свободно выпущен из оной. И я давал ему позволение пройти безопасно в свои места, а жители Эривани с их семействами останутся спокойными при всех своих правах, преимуществах, и каждый при своей собственности. Однако же, не получив ответа не только в определенный мною срок, но ниже до сих пор, то есть целые полмесяца,—я принял сие за явный знак несогласия на сдачу крепости, почему и устроил уже все то, что послужит к конечному истреблению сего города. За всем тем и еще от сего удерживаюсь единственно в чаянии, что вы и народ эриванский размыслите о тех снисходительных и человеколюбивых предложениях, кои я сделал вам когда добровольно будет сдана крепость, и не доведете до

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, 8, д. 168, л. л. 11—17.

того, чтобы напрасно пролилась кровь человеческая и вся крепость погибла».¹

Одновременно Гудович угрожает хану и пробует утратить его перечислением одержанных побед и успехов русского оружия.

Он еще раз взывает к «гласу благоразумия», полагая, что увещаниями может повлиять на хана:

«...Я, прежде нежели вынужден буду принять решительные меры, пагубные для Эриванской крепости, где все должно погибнуть,—и еще в последний раз советую вам лучше последовать гласу самого благоразумия и необходимости—и сдать мне тотчас крепость. В сем случае, как я уже сказал, весь гарнизон будет в целости выпущен из города и я позволю оному пройти безопасно за Аракс во внутрь Персии, с тем однако же, чтобы оный в проход свой не мог делать бремя спокойным жителям Эриванских деревень, возвратившимся в свои места, или пожечь поля их и дома...»²

Гасан-хан наотрез отказался от предложений Гудовича. Его не только не утратили угрозы Гудовича, но даже не прельстили его посулы. В своем ответном письме Гасан-хан издевательски предлагает Гудовичу поступить на службу к персам.³

Даже получив резкий ответ, отвергающий все его предложения, Гудович не прекратил своей переписки.

Из характера этой бесполезной переписки видно, что Гудович избрал неправильный путь действия. Он упускал время и не использовал благоприятную для русских обстановку. Персы же, воспользовавшись этим, все более укрепляли крепость и накапливали силы в ее окрестностях.

Не учел Гудович и приближения зимы, необеспеченности русских войск теплой одеждой, достаточным количеством продовольствия и боеприпасов. Гудович был все еще занят перепиской с Гасан-ханом, когда наступила ранняя зима. Сообщение с Тифлисом прервалось и, для блокирующей Эриванскую крепость русской армии, создалось тяжелое положение.

Лишь 17 ноября 1808 года Гудович отдал приказ о решительном штурме крепости. Однако гарнизон крепости под командой Гасан-хана оказал яростное сопротивление, и штурм русских окончился неудачей. После неудачи Гудович снял осаду и с большими трудностями начал отступление к Тифлису.

Так закончился второй поход русских, организованный для занятия Эривани.

Следуя примеру Гудовича, генерал Небольсин 1 декабря оставил Нахичевань и отступил к Карабаху.

К этому времени произошли большие перемены в отношении дипломатических сил в Персии. Французское влияние в Персии пало до такой

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4265, л. л. 25—28.

² Там же.

³ Там же.

степени, что французский посланник генерал Гардэн 13 февраля 1809 года вынужден был покинуть столицу Персии—Тегеран. 14 февраля того же года английский посол торжественно въехал в Тегеран.

Неудача Эриванского похода стоила Гудовичу поста главнокомандующего Кавказской армией. На его место был назначен генерал А. П. Тормасов.

К 1809 году обстановка в Закавказье сложилась чрезвычайно неблагоприятно для русских.

Сопредельные с Закавказьем Персия и Турция, под влиянием враждебной России английской дипломатии, по непосредственной указке Англии, заключают тройственный наступательный союз, направленный против России. В итоге этого союза сильно укрепляются экономические и политические позиции английских захватчиков в Персии и Турции. Эти страны превращаются в военную базу англичан, в опорные пункты английской политики на Ближнем Востоке, становятся надежным оплотом англичан для борьбы против посягательств Наполеона на колонии Англии в Азии.

Англо-турецко-персидской союз ставит себе целью ослабить Россию. Англия не скупится на громкие обещания своим новым союзникам полностью очистить Кавказ от русских. По подстрекательству англичан в 1809 году снова возобновляется русско-турецкая война.

В этих условиях заключение мира с Персией становится жизненно необходимым для России, готовой отказаться от требований на владение Эриванским и Нахичеванским ханствами. Но и здесь английский посланник в Персии прилагал все усилия для срыва мирных русско-персидских переговоров, настаивая на том, чтобы персы потребовали ухода русских из пределов Закавказья.

Главные военные действия в возобновившейся русско-турецкой войне происходили на Дунайском фронте, война же на Кавказе носила оборонительный характер. Персы продолжали оставаться угрозой для русских границ и интенсивно подтягивали к ним свои силы. Эриванский сардар Гуссейн-Кули-хан с двадцатитысячным войском перешел турецкую границу и остановился лагерем у крепости Ахалкалаки, чтобы оттуда вторгнуться в Грузию.

Сыновья персидского шаха Мамед-Али-Мирза и Аббас-Мирза двинулись со своими войсками на Шурагял-Памбак и на Карабах-Ганджу.

На участке Памбак—Шурагял русские сдерживали натиск персов передовыми кордонами, расположенными у селения Амамлы и крепости Гюмри, а на Карабахском направлении—у Гориса и под Шушой.

Новые переговоры с персами о заключении мира начались в этой сложной для русских обстановке.

Свидание между представителями договаривающихся сторон было назначено неподалеку от Шуши, в крепости Аскяран. Интересы России представляли генерал Тормасов, интересы Персии—Мирза-Бузург, везир принца Аббаса-Мирзы. Длившиеся несколько дней переговоры не

привели к соглашению сторон, причем опять таки большая вина ложится на английского посланника в Персии, по настоянию которого представитель Персии прервал переговоры и вернулся в Тегеран.

Английские колонизаторы после этого еще более усилили военную и экономическую помощь Персии. Лишь за один 1811 год Англия предоставила Персии заем в 3 миллиона рублей серебром, на который персы закупили в Англии 12 пушек, 12 тысяч ружей, сукна на обмундирование для 12 тысяч солдат и все необходимые боеприпасы на двадцатитысячную армию.

Английские офицеры, заняв место французов, обучали персидскую армию; военные укрепления стали строиться под наблюдением английских военных инженеров. Однако ни двуличная политика англичан, ни оказываемая ими Персии помощь не спасли положения.

Персии поневоле пришлось переменить отношение к России, когда после неудачных переговоров в Аскьяране русские войска одержали несколько крупных побед над персами. Эти удачи русского оружия сильно подняли престиж России в Закавказье.

Первой в ряду побед русских войск было успешное занятие малочисленным отрядом полковника Котляревского летом 1810 года крепости Мегри, считавшейся по тому времени неприступной. Помимо крупного военно-стратегического значения Мегри, как твердыни, могущей защитить страну от персидского вторжения, этот район представлял собой удобный плацдарм для развертывания военных действий против Тавриза—столицы владений наследника престола Аббаса-Мирзы.

Следующим значительным успехом русского оружия был разгром войск эриванского сардара Гусейн Кули-хана у Ахалкалаки в начале сентября того же года.

Русская армия, под командованием генерал-лейтенанта Пауличчи, совершила неожиданно ночное нападение на войско сардара и наголову разбило его.

К началу 1812 года русско-французские отношения достигли крайнего напряжения. Разумается, Россия была заинтересована как можно скорее закончить войну с Персией и Турцией, чтобы получить возможность сосредоточить все свое внимание на главном враге—Наполеоне.

Начатые с Турцией переговоры вскоре увенчались успехом. 16 мая 1812 года в Бухаресте был заключен мир. Русско-турецкой государственной границей была признана на западе—река Прут, а на юге—в Закавказье—река Арпачай (Ахурян).

В это же время русские начали переговоры о мире с Персией в крепости Асландуз (на правом берегу Аракса). Но и на этот раз персы, подстрекаемые французами и англичанами, всячески стремились сорвать мирные переговоры.

Аббас-Мирза предъявил русским требование о возвращении Персии всех бывших персидских ханств в Закавказье. Русские категорически отвергли это дерзкое предложение персов. Переговоры были прерваны. Аббас-Мирза начал готовиться к новому нашествию на Закавказье.

Котляревский, получивший после Мегринской победы чин генерала, единственным для русских выходом из создавшегося тяжелого положения считал разгром армии Аббаса-Мирзы. Только разгром, по мнению Котляревского, мог вынудить персов заключить мир на предложенных русскими условиях. Претворяя в жизнь этот смелый план, ген. Котляревский в октябре 1812 года переправился на правый берег Аракса и совершил неожиданное стремительное нападение на крепость Асландуз, у которой сосредоточены были главные силы Аббаса-Мирзы. Несмотря на огромное численное превосходство армии Аббаса-Мирзы, стойкость и беспримерная отвага русских солдат обеспечила им крупную победу над персами. Сам Аббас-Мирза лишь постыдным бегством сумел избежать плена. Разгромленная персидская армия разбежалась в панике.

31 декабря войска Котляревского одержали еще одну блестящую победу над персами у крепости Ленкорань.

Успехи русских в победоносных сражениях под Асландузом и Ленкоранью, а также блестящая победа русской армии и русского народа над полчищами Наполеона в Отечественной войне 1812 года (победа, которая подняла на невиданную высоту престиж русского оружия и международное значение России) не могли не оказать влияние на отсталую феодальную Персию и ее европейских покровителей. Персы поспешили обратиться к русскому командованию с просьбой о возобновлении мирных переговоров.

В сентябре 1813 года, в небольшом укрепленном местечке Гюлистан в Карабахе, между Россией и Персией были возобновлены мирные переговоры, завершившиеся 12 октября того же года подписанием мирного договора.

В переговорах со стороны России участвовал генерал Ртищев, а со стороны Персии—Мирза-Абул-Гасан-хан. В истории этот мирный договор известен под именем «Гюлистанского трактата».¹

По Гюлистанскому договору Персия признавала перешедшими во владение России ханства Карабахское, Ганджинское, Шакинское, Ширванское, Бакинское, Талышское, Дербентское, Кубинское, а также Шурагальскую провинцию и все остальные местности, находившиеся в момент подписания договора во владении России.

Персия лишилась права содержать свой флот на Каспийском море; на котором утверждалось безраздельное господство России.

Мегри с его районом русские возвращали Персии. По Гюлистанскому трактату Эриванское и Нахичеванское ханства также продолжали оставаться во владении Персии.²

Гюлистанским договором закончилась первая русско-персидская война. Гюлистанский договор не разрешил проблемы освобождения Эри-

¹ „Договоры России с Востоком“—собрал и издал Т. Юзефович, стр. 208—214. СПб, 1869.

² Там же.

ванского и Нахичеванского ханств. Но, временно отказавшись от них, Россия все же ставила первоочередным вопросом своей политики присоединение этих ханств, а персидский шах продолжал вынашивать план восстановления своего господства над утраченными ханствами. Было ясно, что новая русско-персидская война неизбежна.

* * *

После заключения Гюлистанского договора перед правителем Кавказа и главнокомандующим русской армией в Закавказье стала следующая по важности задача—укрепить русское владычество во вновь приобретенных Россией областях, полностью подчинить в административном и экономическом отношениях бывшие персидские ханства государственной системе царизма, а также создать необходимые предпосылки для присоединения Эриванского и Нахичеванского ханств. Претворение этих задач в жизнь было возложено на генерал-лейтенанта А. П. Ермолова, назначенного в 1816 году главнокомандующим Кавказской армией и правителем Кавказа по гражданской части.

Для скорейшего осуществления намеченных целей русское правительство еще более усилило политику покровительства армянам. Именно в эти годы были открыты: в Москве—Лазаревский институт восточных языков (1815 год), а в Тифлисе—училище Нерсисян (1824 год), с помощью которых русское правительство стремилось усилить свое влияние среди широких общественных кругов армянского народа.

Приступив к исполнению своей должности, ген. Ермолов начал с основательного изучения военно-экономического положения Персии. С этой целью он, в составе особого посольства, выезжает в Персию.¹

Но вот, в преддверии серьезных политических событий, в ноябре 1825 года, в Таганроге умирает император Александр I.

Персидский шах решает, что настал удобный момент для того, чтобы, начав войну с Россией, вытеснить русские войска из Закавказья, восстановить в Закавказье бывшие персидские ханства и вновь утвердить кровавое иго Персии в Закавказье. В этот критический момент (февраль 1826 года) из Петербурга выезжает в Тегеран посланник Николая I князь Меншиков для переговоров с Фат-Али-шахом о мирном разрешении спорных русско-персидских вопросов. Однако, прибыв в Тегеран, Меншиков становится свидетелем лихорадочных приготовлений Персии к войне.

Все попытки Меншикова добиться мирного урегулирования спорных русско-персидских вопросов остаются безрезультатными. Меншиков был вынужден вернуться в Россию. Проезжая на обратном пути в Петербург через владения эриванского хана, он уже услышал весть о вторжении персидских войск в пределы русских областей Закавказья.

25—26 июля 1826 года Аббас-Мирза с 60-тысячным войском

¹ Ермолов А., Посольство А. П. Ермолова в Персии, СПб, 1877.

вторгся в пределы Карабаха и осадил Шушинскую крепость. 26 июля войска эриванского сардара ворвались в Шурагяль—Памбак, подавив сопротивление немногочисленного пограничного русского отряда и армянских крестьян. Овладев этими районами, эриванский сардар взял направление на Тифлис.

Этими событиями ознаменовалось начало второй русско-персидской войны (1826—1828 гг.).

В возникновении второй русско-персидской войны особенно коварную роль сыграла опять таки Англия. Стремясь во что бы то ни стало подорвать растущее влияние России на Ближнем Востоке, англичане спровоцировали Персию на эту войну против России.

Англия, по традиции, активно вмешивалась во все области внешней и внутренней жизни Персии. Она щедро снабжала Персию оружием и боеприпасами, охотно направляла туда военных специалистов, которые рьяно занимались инструктажем персидской армии и строительством военных сооружений.

По требованию английских колонизаторов к турецкому султану было послано специальное посольство персидского шаха с предложением совместных действий против русских.

В своем донесении Николаю I от 19 октября 1826 года командующий Кавказской армией ген. Ермолов сообщал о действиях вторгнувшихся в пределы русских владений персов:

«Получил известие, что сардар эриванский идет с войском в Шамшадильскую дистанцию с тем намерением, чтобы, приблизясь к Куре, поддержать беглого царевича Александра, находящегося между Чарскими лезгинами, и сим последним способствовать соединиться с Шекинским ханом для нападения на Кахетию. При вступлении моем в Казахскую дистанцию, сардар остановился на горах, лежащих близ озера Гокча; когда же пришел я на речку Гассан-су, то и конница, которая прислана была им на большую дорогу, идущую на Елизаветополь, также удалилась в горы. Движением войск наших удержаны жители Казахской дистанции в повиновении, и те из них, которые совершенно готовые были изменить, возмущаемы будучи сардаром эриванским.

Жители же Шамшадильской дистанции, обольщенные старшинами своими, предавшимися сардарю, с самого начала военных действий не хотели оставить кочевья своего в горах, впоследствии же увлечены оттуда персиянами, которые угрожали им истреблением за непослушание.

Жители Шекинской провинции не решаются соединиться с Чарскими лезгинами, и сии воздерживаются сделать нападение на Кахетию, видя пребывание войск наших в Шамшадильской дистанции.

Теперь же в ожидании, что Аббас-Мирза не остановится в Карабагской провинции, и со стороны сей Грузии не подвергнется опасности».¹

Гарнизон Шушинской крепости, состоявший из 1700 русских солдат

¹ ЦГВИА, ВУА, д. 429, л. л. 126—127.

и отряда из местного населения, под руководством полковника Реута организовал героическую оборону Шушинской крепости.¹

Остановившись с основными силами под Шушой, Аббас-Мирза послал 12-тысячный отряд для захвата Ганджи.

Русские в это время располагали в Закавказье всего 35-ю тысячами солдат, большей частью занятых пограничной службой и рассеянных на пространстве от берегов Каспийского моря до самого Причерноморья. Под давлением превосходящих сил персов русские принуждены были в августе отступить от Талыша, Нухи и Ганджи.

В результате нового персидского нашествия вновь обезлюдели десятки армянских, грузинских, азербайджанских деревень, вновь гибли от меча кровожадных завоевателей безвинные жертвы, тысячи армян угоняли в персидскую неволю.²

Подобная же злая доля постигла, в числе многих других, и армянское село М. Караклис (неподалеку от Ленинакана). Ворвавшись в село, персы начисто разграбили население, вырезав большую часть его жителей, под угрозой смерти угнав оставшихся в плену. Всякий проблеск жизни замер в опустошенном селе, улицы его были завалены трупами убитых. Не избегли подобной же участи и многочисленные армянские села Шурагяла и Памбака.

Опьяненный этими успехами, Аббас-Мирза намеревался идти на Тифлис, чтобы захватить и предать грабежу этот крупнейший центр Закавказья. Однако успехи персов носили лишь временный характер.

На первом этапе военных действий все усилия русского командования были направлены на то, чтобы отразить первый натиск персов и отбросить их за пределы русских владений. С этой целью русское командование использовало не только основные силы русской армии, но и силы местного населения—армян, грузин и азербайджанцев.

Нерсес Аштаракечи, активно помогавший русским утвердиться в Закавказье, выступает со специальными воззваниями, обращенными к армянскому населению Закавказья. Он призывает армян организовать вооруженные отряды для самозащиты и решительной борьбы с персидскими захватчиками, предлагая оказывать широкое содействие русским войскам для изгнания персов из пределов русских владений в Закавказье.

Вторая русско-персидская война вызвала новый широкий отклик как среди населения всего Закавказья, так и среди армянского населения. Армяне повсюду организовывали военные дружины и героически сражались с персидскими ордами.³

Ген. Ермолов, совместно со своим помощником ген. Мадатовым, разработал подробный план не только изгнания персидских полчищ из пределов русских владений в Закавказье, но и неотложного присоединения Эриванского и Нахичеванского ханств к России.

¹ ЦГВИА, ВУА, д. 4290, л. л. 145—152.

² Там же, д. 438, л. л. 56—58, д. 894, л. л. 6—8, 19.

³ Там же, д. 4338, л. 51.

Генерал Ермолов писал об этом 17 сентября 1826 года:

«Удобно было бы войти в Эриванское ханство, но я не позволяю себе этого, опасаясь недостатка в продовольствии, паче же для лошадей, по причине приближающегося зимнего времени, и, особенно, в том случае, когда неприятель укроется в крепости эриванской и Сардар-Абаде, где могут поместиться сильные гарнизоны, для наблюдения за коими необходимо довольно значительное количество войск, за чем не останется у меня уже ничего для занятия провинции и снабжения себя продовольствием, или же отражение помощи, которая может быть прислана крепостям.

Неизвестно мне хорошо о состоянии крепости Сардар-Абад, но имею уведомление, что при ней производятся большие работы. Эриванская же крепость требует осады, как то утверждает господин генерал-майор князь Меншиков, имеющий о ней точные сведения, и что она слажена весьма на продолжительное время провиантом».¹

Для разгрома и изгнания из пределов Закавказья вторгнувшихся персидских полчищ Кавказская русская армия получила подкрепление; на Закавказский фронт был направлен ряд генералов и офицеров русской армии.

В самый напряженный момент военных действий в Закавказье прибыл ген. Паскевич, наделенный специальными полномочиями Николая I.

Благодаря отваге и стойкости русских войск и активному содействию русским войскам со стороны местного населения Закавказья уже в первый год войны персидские войска были изгнаны из пределов Закавказья, а мятежи бывших персидских ханств окончательно подавлены.²

В числе посланных в 1826 году на Кавказ русских офицеров был также герой Отечественной войны 1812 года, прославленный партизанский командир и известный поэт, генерал-майор *Денис Васильевич Давыдов*.

Прибыв в Тифлис в сентябре 1826 года, Давыдов был немедленно назначен командиром отряда, направляемого в Лори-Памбак и Ширак для освобождения этих районов от орд брата эриванского сардара Гасан-хана. Вскоре ему же было поручено рассеять и изгнать с северного побережья Себанского озера проникшую туда крупную военную группировку эриванского сардара Гусейн-Кули-хана.³

Денис Давыдов весь отдался осуществлению порученной ему военной задачи. Прибыв со своим отрядом 19 сентября в Памбак, он немедленно развернул активные военные действия против Гасан-хана и уже 20 сентября вытеснил персов из захваченной ими деревни Амамлы. 21 сентября отряд Давыдова разгромил персов у селения Мирак (ныне Аларанского района).

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, л. л. 126—127.

² Там же, 42—90, л. л. 107, 109—112, 145.

³ Ермолов — «Алексей Петрович Ермолов» (1777—1861), Биографический очерк, стр. 437, СПб.

Четырехтысячный конный отряд Гасан-хана был обращен в бегство.

Поражение Гасан-хана внесло дезорганизацию в войско эриванского сардара. Гусейн-Кули-хан, покинув побережье Севана, поспешно отступил к Эриванской крепости.

Генерал Ермолов с большой похвалой отозвался об одержанной Денисом Давыдовым победе при Мираке, как в своем донесении, датированном 30 сентября 1826 года,¹ так и в военном дневнике.² Подробное описание этого сражения составил год с лишним спустя сам участник его Денис Давыдов.³

Миракская победа ликвидировала угрозу вторжения персов в северную Армению.

После этого сражения Денис Давыдов со своим отрядом двинулся к Араратской равнине, задавшись целью овладеть Эриванью. Однако с половины пути он был вынужден повернуть обратно, получив в конце сентября приказ Ермолова об отсрочке Эриванского похода до весны 1827 года.⁴

Выполняя приказ главнокомандующего, Давыдов вернулся с отрядом в Джелал-Оглы (ныне Степанаван). В конце декабря того же года он выехал в отпуск на родину и вернулся на Кавказ весной 1827 года. Однако, недоброжелательно встреченный генералом Паскевичем, сменившим Ермолова на посту главнокомандующего Кавказской армией, Денис Давыдов вынужден был вернуться в Россию, так и не приняв участия в заветном Эриванском походе.⁵

В начале 1827 года командование Кавказской армией начало усиленную подготовку к походу на Эривань. В этой связи следует отметить неправильную точку зрения историка Лео, отрицавшего огромные заслуги ген. Ермолова на посту главнокомандующего Кавказской армией в деле изгнания персов из пределов Закавказья и подготовки Эриванского похода.⁶ Касаясь роли Ермолова, проф. Лео, с одной стороны, принял на веру мнение Покровского и его учеников, с другой—не проявил должного критического отношения к дворянской историографии, явно тенденциозно умалявшей значение деятельности Ермолова на Кавказе.

Причина подобного отношения официальной историографии к Ермолову заключается в том, что он не пользовался симпатиями и доверием Николая I, подозревавшего его в связях с декабристами.⁷

Прежде всего, именно А. П. Ермолову принадлежит инициатива орга-

¹ Акты, т. VI, ч. II, стр. 380—381.

² „Алексей Петрович Ермолов“, стр. 349, Москва, 1864.

³ Давыдов Д., Сочинения, т. II, Проза, стр. 163—164, СПб., 1893.

⁴ Потте В.,—Кавказская война, т. III, в. II, стр. 191, СПб., 1888.

⁵ Давыдов Д., Поли. собр. соч., стр. 61—62, Ленинград, 1933.

⁶ Лео, История Армении, Новейший период, т. II (на ир. рук.), Ереван, 1927 на арм. яз.

⁷ Известно, что генерал Ермолов, популярный в передовых общественных кругах 20-х годов, был одним из кандидатов Северного общества декабристов в члены будущего Временного правительства.

низации изгнания персидских вооруженных сил из пределов Закавказья. Сам Ермолов, еще накануне второй русско-персидской войны, наметил и подробно разработал план завоевания и присоединения к России Восточной Армении. В своем донесении Александру I Ермолов писал:

«...Первая война, к которой воззовет нас необходимость, должна дать нам границу по Аракс. Сие есть единственный способ избежать впоследствии величайших неудобств».¹

Даже в последние дни пребывания в Закавказье, зная о неминуемом своем смещении с поста главнокомандующего, Ермолов не переставал разрабатывать план Эриванского похода, заранее осуществив всю предварительную подготовку к нему.

В начале 1827 года Ермолов представил начальнику главного штаба русской армии генералу Дибичу докладную записку, в которой подробно излагал план Эриванского похода. Он предлагал начать поход с таким расчетом, чтобы до наступления летнего зноя завершить овладение Нахичеванским ханством. После взятия Нахичевани генерал Ермолов наметал присоединение Карабахского русского отряда к главным русским силам. Таким образом, с одной стороны, нарушался единственный путь сообщения Эривани с Персией и, с другой, ставился под угрозу Тавриз. Это, по расчетам Ермолова, должно было принудить Аббаса-Мирзу и персидского шаха сосредоточить все внимание на обороне Тавриза.² В заключение Ермолов предлагал сосредоточить у подступов к Эривани артиллерию с достаточным количеством боеприпасов, чтобы активно блокировать крепость и, после усиленной артиллерийской подготовки, взять ее штурмом.³

Быстро закончив всю предварительную подготовку к Эриванскому походу, Ермолов 27 марта 1827 года послал ген. Бенкендорфу подробную письменную инструкцию о предстоящих военных действиях в Эриванской области.

Инструкция Ермолова является подробно разработанной программой Эриванского похода, которой руководствовался генерал Паскевич. Основываясь на опыте прежних кампаний, А. Ермолов предупреждал ген. Бенкендорфа о том, что персы не только будут уничтожать провиант, но не остановятся перед варварским угоном армянского населения в глубь страны, почему он и выделяет специальный отряд для предотвращения персидских зверств. Интересно отметить, что об этом говорится в нескольких пунктах инструкции.

Учитывая всю значимость инструкции Ермолова в подготовке к Эриванскому походу и взятию Эривани, считаем не лишним привести ее текст:

«Продолжавшаяся до сего времени сухая погода и совершенный недостаток подножного корма принуждают еще на некоторое время отло-

¹ Акты, т. VI, ч. II, стр. 178.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4326, л. л. 102—106.

³ Там же.

жить движение главных сил наших к стороне Эривани. Сие промедление могло бы служить неприятелю как к усилению гарнизонов и оборонительных средств в крепостях Эривани и Сардарабада, так и к уничтожению остатков запасов в окружностях сих крепостей, и даже к самому угону жителей, дабы тем самым затруднить действия наши.

Дабы сколько возможно воспрещать сему, равно для предварительного приуготовления главного для нас этапного пункта в армянском монастыре Эчмиадзине, предположено отправить туда предварительно сильный отряд, составленный наиболее из пехоты по причине затруднений, кои могут встретиться при переходе через горы Безобдал и Башабаран, и по совершенному недостатку в траве.

Сей отряд вверяется начальству вашего превосходительства. Состав оного, время и место сбора известны вам из предписания моего за № 87.

По известным усердию и благоразумию вашего превосходительства я, наверное, ожидаю преодоления затруднений и достижения вышеупомянутой главной цели всеми теми мерами, которые обстоятельства, самая природа, положение и действия неприятеля могут сделать нужными.¹

Инструкция Ермолова, как мы увидим ниже, предусматривает даже такие моменты, как дневные запасы фуража, но при всем этом оставляет много места для личной инициативы, принятия тех мер, которых требуют «местные обстоятельства».

«Для руководства же вашего предлагаю нижеследующее:

1-ое: Грузинскому гренадерскому и Ширванскому пехотному полкам в Шулаверах пополнить издержанный ими в пути провиант и потом, по сборе в Джелал-оглу, пополнив на роздыхе десятидневный запас провианта и взяв сухого фуража, сколько имеющиеся у вас способы позволят, перейдя Безобдал и по направлению прямой дороги от Амамлы через Башабаран к Эривани, наступать быстро к Эчмиадзину и овладеть оным.

2-ое: По занятии Эчмиадзина местные обстоятельства, коих здесь предвидеть нельзя, должны решить направление ваше на Эривань или на Сардарабад, оставляя в Эчмиадзине достаточный гарнизон, примерно—1 батальон пехоты и 4 орудия.

3-е: Если по сведениям, которые получите в Эчмиадзине, должно опасаться угону жителей из окрестностей Эривани, а предвидится возможность помешать сему; или если ожидается подкрепление гарнизона Эриванского войсками или припасами, и можно надеяться встретить таковые,—то и в том и в другом случае наступать к Эривани для исполнения того или другого предмета.

4-ое: После сего, употребив необходимое время на успокоение, по возможности, жителей и стараясь собрать сколько можно более провианта, фуража и способов к перевозке их в Эчмиадзин, притти быстро и, сколь возможно, нечаянно к Сардарабаду и сделать сильную рекогносцировку сей крепости. Но отнюдь не сделать настоящего на оную напа-

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4326, л. л. 156—159.

дения, если по обстоятельствам нельзя быть совершенно уверенным в верности успеха».¹

Инструкция ориентирует командование похода на такие действия, которые должны принести только успех, ибо каждая неудача русских войск могла вызвать волнения среди непокорных ханов, недавно принявших русское подданство, и дать пищу англо-французским интригам.

«5-ое: Когда не предвидится верного успеха против Сардарабада даже несколькодневным облажением и действием артиллерии, то не приступая к таковому, тотчас после рекогносцировки воротиться к окружности Эривани и движением отряда, наиболее между реками: Абараном, Гарни-чаем и Араксом, не удаляясь более двух маршей от Эчмиадзина, исполнить главную цель отряда—спасение жителей и селений окружности Эривани и сбор всевозможного количества провианта, фуража и способов перевозки в Эчмиадзин.

6-ое: Если бы удалось взять Сардарабад, то по занятии оного достаточным гарнизоном, на что потребуется менее батальона, поступать по сказанному в 5-ом пункте.

7-ое: Если с первоначальным прибытием к Эчмиадзину не предвидится особых выгод от наступления к стороне Эривани, то начать действие со стороны Сардарабада и исполнить сходно со сказанным в пунктах 4-ом, 5-ом и 6-ом.

8-ое: Командиру гарнизона Эчмиадзинского прикажите по возможности усилить оборонительные средства сего монастыря и сделать всевозможные приготовления для предварительного устройства в оном госпиталя на 500 человек и для складу запасов артиллерийских и провиантских. Сбираемый вами хлеб постарайтесь перемолоть в муку, почему и стараться восстановить все мельницы, буде они разорены неприятелем. Фуража собрать по возможности более, равно как арбы или другие способы перевозки.

Все подобные сборы сделать реквизициею, платя жителям за доставленное ими: по 3 рубля серебром за четверть пшеницы, по 2 руб. 40 коп. за четверть ячменя, и по 15 коп. за пуд сена или самана; за арбу по 7 руб., за вола по 10 руб., а погонщикам назначить, кроме продовольствия, по 3 рубля серебром в месяц».²

В своей инструкции А. Ермолов, в противоположность ген. Гудовичу, требует быстрых и решительных действий против неприятеля.

«9-ое: По всем имеющимся сведениям, сардар эриванский не намеревается оставаться в оной крепости, и, вероятно, будет стараться беспокоить вверенный вам отряд. Я уверен, что вы разобьете его, буде бы осмелился он вступить в общее сражение. Против частных же нападений требуется осторожность всех начальников и быстротою движения можно иногда наказать неприятеля.

10-ое: Удаление значительных сил персиан не позволит думать, что-

¹ ЦГВИА. ф. ВУА, л. 4326, л. л. 156—159.

² Там же.

бы Аббас-Мирза мог подкрепить сардара эриванского прежде прибытия главных сил наших. Но если бы сие сделано было частью, то я уверен, что вверенный вам отряд довольно силен, дабы в окружности Эчмиадзина вступить в решительное сражение:

11-ое: Выше объяснены причины, по коим нельзя было придать к вверенному вам отряду кавалерии. Но если вы найдете, сверх чаяния, достаточные способы к продовольствию оной,—то ожидаю о том вашего донесения, дабы ускорить приближение таковой».¹

Однако Ермолову не довелось возглавить Эриванский поход. Почти накануне выступления русской армии в Тифлис прибыл начальник главного штаба ген. Дибич, с представленными ему заранее полномочиями Николая I сместить Ермолова и заменить его царским любимцем, ген. Паскевичем. Последний 29-го марта 1827 года был назначен главнокомандующим войск Кавказского отдельного корпуса и главноуправляющим краем.

2—3 апреля 1827 года передовой русский отряд, под начальством ген. Бенкендорфа, по приказу Паскевича, взял направление на Эривань. Так начался последний, завершающий поход русских войск на Эривань.

Ген. Бенкендорф заблаговременно выслал вперед 800 арб для перевозки оружия, боеприпасов, аммуниции и провианта своего авангардного отряда в Джелал-Оглы.²

К авангардному отряду Бенкендорфа в Джелал-Оглах присоединились батальон Тифлисского полка, два казачьих полка и артиллерия числом 12 орудий.³

7-го апреля отряд Бенкендорфа спустился к Памбакской равнине.⁴ Продвижение русских войск замедлялось трудно проходимыми, засыпанными снегом горными перевалами и крутыми ущельями, но солдаты стойко переносили все тяготы похода, проявляя величайшее мужество, упорство и сноровку.

Во второй русско-персидской войне выдающуюся роль сыграли ссыльные декабристы—рядовые солдаты, а также и такие деятели 14 декабря, как И. Г. Бурцев, М. И. Пущин, Н. Н. Раевский, В. Д. Вольховский и многие другие. В первые же дни войны, в Тифлис прибыл (17 августа) сводный гвардейский полк, образованный из участвовавших в восстании 14 декабря рот лейб-гвардии Гренадерского и лейб-гвардии Московского полков и отправленный на Кавказ „кровью заслужить прощение“,⁵ или, вернее говоря с целью удалить их от жизненно важных центров России.

Командовал полком декабрист же—полковник Шипов. Полк принял самое действенное участие во всех важнейших операциях и, мы к этому еще вернемся, особенно отличился при взятии крепости Эривани.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4326, л. л. 156—159.

² Потто В., Кавказская война в очерках, изд. 2, т. III, вып. I, стр. 292, СПб, 1888.

³ Там же, стр. 292.

⁴ Потто В., Кавказская война в очерках, т. III, стр. 292.

⁵ Там же, стр. 152.

В Эриванском походе и в боевых действиях принял участие и знаменитый русский писатель Александр Сергеевич Грибоедов, уже с 1817 года состоявший секретарем при русской миссии в Тегеране.

Новый Эриванский поход русской армии вселил надежды в сердца армян. Они прониклись твердой верой в то, что на этот раз Эривань будет освобождена, и кровавому игу персов в Армении будет, наконец навсегда положен конец. *Армянское население с исключительным энтузиазмом встречало русское войско; повсюду организовывались добровольческие армянские отряды, вливавшиеся в русскую армию.*¹

Организовывались также грузинские и азербайджанские части.²

Весть о походе Паскевича вызвала страшный переполох в Персии. Вновь вспыхнула ненависть персидских захватчиков к армянам, которые, как об этом хорошо знали персы, питали огромную любовь к России, оказывали всемерную поддержку (военную, экономическую и моральную) наступающей армии Паскевича.

Армяне, жители Персии, в посланных русскому командованию донесениях следующим образом описывали внутреннее положение страны в период похода Паскевича и все растущую ненависть персов к ним:

«Почти вся Персия в большом волнении; всюду, где можно, набираются люди и составляются в виде общего вооружения земские ополчения. Всех жителей и весь народ персидское правительство стремится воззвать и возбудить к общей обороне и защите... Всех подозреваемых людей и сопричастных в сообществе с русскими велено не щадить...

Когда же начнутся военные действия, тогда преследования будут ужаснее, ибо персияне к сему приобыкли, яко к ремеслу своему. По многим примерам прежних времен персияне знают и удостоверены, что без содействия и без пособия армянского народа, обитающего в сих странах, россияне успеть много не могут, а потому и предполагают употребить против оного разные средства насильства».³

С первых же дней военных действий персидские сатрапы начали предавать армян физическому уничтожению. Тысячи армян—жители Араратской равнины—были насильственно угнаны в глубь Персии. Эриванский сардар распорядился изгнать даже монастырскую братию Эчмиадзина, часть которой была заточена в Эриванской крепости, а часть сослана в глубь Персии.

Эчмиадзинский монастырь опустел. За его оградой разместились три с лишним тысячи персидских сарбазов. Обезлюдели и окрестности

¹ ЦГВИА. ф. ВУА. д. 4336. л. л. 1,7,9—11, д. 4312, л. л. 16,113.

² В организации первых азербайджанских воинских частей в рядах русской армии большую роль играл азербайджанский историк и просветитель А. Бакиханов, работавший в эти годы у Грибоедова в качестве переводчика восточных языков.

³ ЦГВИА. ф. ВУА. д. 4338. л. л. 26—28.

Эчмиадзина, все армянское население которых было изгнано на правый берег Аракса.¹

Рассматривая армян как союзников русских, персы не останавливались ни перед каким варварством по отношению к армянскому населению.²

Эриванский сардар задался целью предать физическому уничтожению всех своих подданных армянского происхождения. Он даже думал одно время поджечь и сравнять с землей Эчмиадзинский монастырь и лишь уговоры приближенных заставили его отказаться от этого намерения. Советники сардара указали ему, что подобный шаг вызовет огромное возмущение всех армян и ответные репрессии со стороны русской армии, что дорого обойдется и самому сардару, и всем персам вообще.³

Дикая жестокость и изуверства персов не сломили дух армянского народа и лишь преисполнили его еще большей решимости к борьбе против ненавистных угнетателей.

В ответ на учащавшиеся проявления варварского фанатизма и нетерпимости, по всей Армении все громче звучал голос простого народа, призывавший армян к оружию во имя самозащиты и борьбы с персидскими захватчиками.

С каждым днем росла любовь к русскому народу, вера в помощь русских, которых преследуемый армянский народ ожидал, как своих долгожданных спасителей.

Несмотря на создавшееся для эриванских армян невыносимое положение, они с первых же дней похода Паскевича самоотверженно помогали русским, не страшась угрожавшей на каждом шагу мучительной смерти от руки персов. Не довольствуясь активным участием в борьбе с персами, армяне подробно информировали русское командование о численности персидских войск, роде оружия, дислокации войск, военных сооружений, запасах продовольствия и боеприпасов. Благодаря содействию армян русское командование было в курсе всех вопросов первостепенной важности, как военного значения, так и положения внутри страны, состояния дорог; армяне тайно пересылали русскому командованию свои соображения о том, в какое время года целесообразно предпринять поход на Эривань, на какой участок крепостных укреплений направить первый удар после блокады крепости. При этом армяне вновь и вновь заверяли русских в своей преданности и готовности отдать все для успеха русского оружия.⁴

Эриванский сардар, узнав о приближении русских, решил любой ценой отстоять Эриванскую крепость, куда лихорадочно начал свозить огромные запасы провианта, фуража и боеприпасов.

Уже в начале апреля 1827 года русское командование знало из тайных донесений эриванских армян, что сардар сосредоточил в Эривань

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 894, л. 21.

² Там же.

³ Там же, л. л. 11—12.

⁴ Там же, д. 4338, л. л. 23—25.

ской крепости 2000 пехотинцев и 800 конных воинов.¹ За крепостные стены было согнано большое количество местного армянского населения в качестве заложников.

Авангардный отряд русских войск продвигался вперед сравнительно быстро. 13-го апреля войско генерала Бенкендорфа почти без сопротивления овладело Эчмиадзином. Вместе с отрядом Бенкендорфа в освобожденный Эчмиадзин прибыл и Нерсес Аштаракец.

Но в этот поход, как и в предыдущие походы на Эривань, перед русским командованием встала проблема продовольствования войск. Эти затруднения предстали теперь с еще большей остротой, поскольку персы (как об этом указывалось выше) разграбили и опустошили большинство армянских сел Араратской равнины, угнав на правый берег Аракса армянское население, чтобы лишить русское войско того материального содействия, которое неизменно оказывало ему армянское население во время предыдущих походов.

Стремясь облегчить создавшееся положение с питанием солдат, ген. Бенкендорф направился с главными силами в сторону Сардарабада (ныне Октемберян) и Талина, оставив небольшой гарнизон для защиты Эчмиадзина.

Вот что пишет об этом в своем военном дневнике ген. Бенкендорф:

«...Нуждаясь в провiantе, он решился идти на Сардарабад, что по распросам в двадцати верстах от Эчмиадзина, влево от дороги в Талич. Если не будет никакой возможности овладеть Сардарабадом, то он направится через Талчи к Арпачаю, дабы снабдив себя съестными припасами из Карсского пашалыка, возвратиться к Эчмиадзину и продолжать действовать наступательно. В Эчмиадзине же оставлен подполковник Волженский со вторым батальоном Ширванского пехотного полка».²

Взять Сардарабад Бенкендорф не смог. 25-го апреля русские войска приступили к осаде Эриванской крепости;³ осада на первых порах не дала каких-либо ощутительных результатов.

Выступив 1-го июня из Тифлиса, во главе главных сил экспедиционного корпуса, генерал Паскевич 8-го июня подошел к Эчмиадзину.⁴ Силы Паскевича состояли из 4800 пехотинцев, 800 кадровых кавалеристов и 3000 всадников нерегулярной конницы, а также 24 орудий.⁵

Нерешительные действия Бенкендорфа под Эриванью вызвали недовольство Паскевича, освободившего 19 июня Бенкендорфа от руководства осадой Эриванской крепости. Отряд Бенкендорфа был слит с главными силами корпуса. Осада Эривани была поручена 20-ой дивизии ген. Красовского.

В тот же день Паскевич выступил к Гарни-чаю в направлении Нахичевани. Согласно разработанному военному плану Паскевич намеревал-

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4312, л. 60.

² Там же, л. л. 78—79.

³ Потто В., Кавказская война в очерках, т. III, стр. 308—309.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4338, л. л. 67—68.

⁵ Шербаков — Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, т. II, стр. 270, 1890.

ся захватить Нахичевань и Аббас-абадскую крепости, отрезать Эривань от Персии и, завоевав Тавриз, поставить под угрозу Тегеран.

Однако усилия ген. Красовского по овладению Эриванской крепостью не увенчались успехом. Осада крепости затягивалась, а между тем близилась пора самого нестерпимого зноя в Араратской равнине. Горячка косила солдат русского войска. В одном лишь Эчмиадзинском госпитале лежало свыше 800 больных солдат. От утомления, недостатка питания и болезней ряды дивизии Красовского постепечно редели. Для того, чтобы дать войску возможность передохнуть и больным подлечиться, Красовский на свой риск решил снять на время осаду Эриванской крепости и отвести дивизию на прохладные склоны Апаранского нагорья.

Иначе сложилось военное счастье и руководимых Паскевичем войск, добившихся значительных успехов. 7-го июля русские штурмом заняли крепость Аббаса-Абад, построенную Аббасом-Мирза по советам английских военных специалистов.¹

После занятия Нахичевани Паскевич на склонах горного хребта Кара-Баба дал отдых войскам.

Подробные сведения о занятии Аббас-абадской крепости и позднее Нахичевани содержатся в документах «Матенадарана»:

«Первого июля оно приступило к осаде Аббас-абадской крепости (речь идет о войске, которым командовал Паскевич—З. Г.). Аббас-Мирза, страшась потерять крепость, с 12-тысячным войском подоспел ей на помощь. Вследствие этого Паскевич с 4000 пехоты, 3500 кавалерии и 300 пушек перешел Ерасх (Аракс) и вступил в бой с Шах-задэ. С божьей милостью победил он и, громя врага, преследовал его на расстоянии тридцати стадий. И попали в руки победителей два знамени, три высокопоставленных и четыре простых хана. И когда вернулись они к крепости, то персидское войско, видевшее поражение Шах-задэ и приближение русского войска, послало к нему предложение о мире, и на утро 7-го числа крепость сдалась. И было в гарнизоне 3000 человек, и все они под предводительством шахского зятя сардара Махмад-Амин-хана, с двумя знаменами, сложили оружие. Шахский зять представил его презосходительству генералу Паскевичу ключи от крепостных ворот. В крепости же нашли 18 пушек, тысячу пудов пороха и провианту на целый месяц. И после этой победы русских восстали два хана Нахичеванских и пришли к Паскевичу. И звали их Кярим-хан и Бюк-хан».²

Другие источники свидетельствуют о том, что русские захватили в Аббас-абадской крепости 23 орудия и взяли в плен 2700 сарбазов.³ В руки русских попали также 1000 пудов пороха, 1000 бомб и 500 центнеров пшеницы.⁴

Решив воспользоваться временным отдыхом русских войск, Аббас-

¹ «Тифлисские ведомости». №№ 27—29, 1829.

² «Матенадаран» — папка 55, док. № 114 (на арм. языке).

³ Потто В., Кавказская война в очерках, т. III, стр. 359.

⁴ Щербатов, Генерал-фельдмаршал-князь Паскевич, т. III, стр. 287.

Мирза со своей армией снова перешел на левый берег Аракса. Он намеревался отвоевать у русских Эчмиадзин, затем двинуться на Тифлис, Ганджу, Карабах и через Карабах победоносно вернуться обратно в Персию.

Аббас-Мирза преследовал одну важную цель: он стремился отвлечь силы русских и вынудить Паскевича отказаться от похода на Тавриз.

4-го августа Аббас-Мирза с тридцатитысячной армией подступил к Эчмиадзину.¹ 15-го августа персидская армия осадила Эчмиадзин с его немногочисленным гарнизоном и военным госпиталем на несколько сот коек.²

Начальник Эчмиадзинского гарнизона отклонил ультиматум командующего персидским войском о немедленной сдаче, после чего персы подвергли интенсивной бомбардировке древний монастырь. Для русского гарнизона и больных госпиталя создалось тяжелое положение. Была послана весть об осаде ген. Красовскому в Баш-Апаранский лагерь, и русские войска поспешили на выручку к осажденному гарнизону.

16-го августа ген. Красовский с 1800 пехотинцами, 500 кавалеристами и 100 воинами армянского отряда, при 12 орудиях, выступил к Эчмиадзину.³ Навстречу Красовскому вышел многочисленный отряд персов, встретивший русское войско под Ошаканом к вечеру 16 августа. На другой день произошло ожесточенное сражение между русским отрядом и вдесятеро превосходившим его численностью персидским войском; однако русские, понеся большие потери, сумели разгромить персидское войско. Осада Эчмиадзина была снята, солдаты осажденного гарнизона и больные были спасены.

В этом сражении армяне вновь оказали большую помощь русским войскам.

Ошаканское сражение в истории войны за освобождение Восточной Армении имеет свое особое значение: в нем еще раз были продемонстрированы исключительная стойкость, отвага и героизм русских солдат. Для увековечения памяти павших в этом сражении русских воинов армяне воздвигли в 1833 году памятник в 4-х километрах от Эчмиадзина.⁴

Получив весть о военных действиях под Эчмиадзином, Паскевич решил немедленно взять инициативу в свои руки, отбросить армию Аббаса-Мирзы на другой берег Аракса и ускорить взятие Сардарабадской и Эриванской крепостей.

Оставив под Нахичеванью отряд под командованием князя Эрнстова, Паскевич с остальным войском 5 сентября быстрым маршем двинулся к Эчмиадзину. Не приняв сражения, Аббас-Мирза поспешно отошел за Аракс. Генерал Паскевич получил возможность форсировать взятие Сардарабадской и Эриванской крепостей.

¹ Ерицян А., указ. соч., стр. 289 (на арм. языке).

² Там же соч., стр. 290.

³ Там же соч., стр. 291.

⁴ Ерицян А., указ. соч., стр. 295 (на арм. языке). (Памятник был закончен строительством в 1834 году—З. Г.)

Первый свой удар Паскевич направил на Сардарабадскую крепость, в которой под командованием внука эриванского сардара, Фат-Али-хана, находилось 2000 персидских сарбазов при 12 орудиях.¹

8—9 сентября русские войска двумя колоннами потянулись к Сардарабату. С первой колонной выступил сам Паскевич. 13 числа к Сардарабату подошел и генерал Красовский, доставивший тяжелые осадные орудия.

15 сентября брат эриванского сардара, Гасан-хан, незаметно пробравшийся в Сардарабадскую крепость в сопровождении нескольких всадников, взял на себя руководство обороной крепости.²

Ночью же трое рядовых, декабристы Пущин, Коновницын, Дорохов, произвели разведку крепости, а по прибытии 16 сентября осадной артиллерии, по указанию Пущина, была заложена брешь-батарея.³

18 сентября тяжелая артиллерия русских начала с раннего утра обстреливать крепость.⁴

Сардарабадская крепость не устояла перед огнем осадной артиллерии русских: рухнула южная стена крепости. Персидский гарнизон и его командование, покинув крепость, нашли свое спасение лишь в бегстве.

Историк В. Потто писал следующее о взятии Сардарабадской крепости:

«Паскевич с главными силами вступил в крепость утром 20-го сентября, встреченный армянским духовенством и населением. В крепости взято было 13 орудий, большие зимние запасы хлеба, которые были очень кстати: для войск, нуждавшихся в провианте, и было освобождено множество русских пленных».⁵

Имеется следующее свидетельство Нерсеса Аштаракеци:

«Вечером девятнадцатого числа,—накануне 20-го числа, приходящегося на среду, уstraшенный падением южной стены, рухнувшей от снарядов так называемых «осадных» тяжелых орудий, Ассан-хан со всем войском бежал из крепости. Преследуя его, наша конница перебила несколько сот человек, где только настигла их. И так, войдя в крепость, русское войско овладело ею миром, найдя в ней пшеницу, ячмень и различное военное снаряжение».⁶

Падению Сардарабата активно содействовали местные армяне, самоотверженно помогавшие осадившим крепость русским войскам.

Занятие Сардарабадской крепости не было очередной, обычной победой русских войск. Оно имело крупное значение еще потому, что к русским перешли богатые запасы хлеба, сильно облегчившие проблему снабжения войск продовольствием.

После падения Сардарабадской крепости Паскевич принялся за ре-

¹ „Матенадаран“, папка № 55, документ 114.

² Щербатов, указ. соч., стр. 316.

³ Потто В., Кавказская война в очерках, т. III, стр. 498—499.

⁴ „Тифлиссские ведомости“, №№ 30 и 31, 1829.

⁵ Потто В., Кавказская война в очерках, т. III, стр. 501—502.

⁶ „Матенадаран“, папка № 58, документ 133.

шение второй основной задачи—освобождения Эривани. В окрестностях города Паскевич сосредоточил все свои силы, тесно обложив крепость со всех сторон.

На военном совете, созванном Паскевичем 24 сентября, решено было начать штурм Эривани с юго-восточной стороны.¹

Еще до начала блокады крепости эриванский сардар передал командование гарнизоном своему брату Гасан-хану, а сам с конницей вышел из крепости, намереваясь набрать 8—9-тысячное войско по ханству и ударить ими в тыл осаждающим Эриванскую крепость русским войскам.²

Русское командование расстроило этот хитрый план сардара. Преследовавший сардара полковник Н. Н. Раевский 21 сентября донес главнокомандующему, что эриванский сардар со своим малочисленным отрядом бежал к турецкой границе.³

После этого Паскевич распорядился подвезти к крепостным стенам тяжелые осадные орудия, часть которых была установлена на правом берегу Зангу, напротив крепости.

С левой стороны крепость была взята на прицел специальной батареей.

Ранним утром 25-го сентября тяжелая артиллерия русских начала бомбардировку Эриванской крепости.

Хотя в распоряжении Гасан-хана было до 50-ти пушек, но они были почти бессильны против мощных осадных русских орудий.

Железное кольцо блокады с каждым днем все теснее сжималось вокруг крепости. Усиливавшийся артиллерийский обстрел вызывал страшные разрушения в городе, но, несмотря на вызываемые бомбардировкой опустошения, армянское население ликовало в душе.

Поддерживая постоянную связь с русским командованием, армяне доставляли ему важные сведения военного значения, разлагая персидский тыл. Пренебрегая угрозой расправы, армяне требовали от Гасан-хана прекращения военных действий и сдачи города русским.

Семидневный интенсивный артиллерийский обстрел крепости смелые действия русской пехоты, бесстрашно штурмовавшей грозные укрепления, завершились 1-го октября 1827-года падением Эриванской крепости. Русские войска овладели Эриванью и старинной Эриванской крепостью, бывшей как бы символом кровавой персидской тирании в Закавказье.

При взятии Эривани вновь отличился сводный гвардейский полк, выдвигавшийся всегда на самые опасные участки—на прикрытие работ, по которым неприятель вел постоянный огонь, на вылазки и штурм. В дни самых напряженных боев за Эривань Паскевич приказал прикомандировать в траншеи без смены всех сосланных и разжалованных декабри-

¹ Потто В., Кавказская война в очерках, т. III, стр. 503.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4392, л. л. 1—9.

³ Там же.

стов,¹ которым поручались наиболее ответственные и грозившие смертью задания. Так, когда под огнем артиллерии рухнула восточная угловая башня крепостной стены и потребовались сведения о ширине и глубине крепостного рва для последнего штурма, послан был декабрист А. Ф. Багговут с двумя солдатами, причем один из солдат тут же был убит во рву.²

Нерсес Аштаракецци писал о занятии Эриванской крепости:

«На третий день (после взятия Сардарабадской крепости—З. Г.) главнокомандующий, оставив в Сардарабаде гарнизон, с большим войском поспешил к городу Эривани и, осадив с юго-восточной стороны его крепость, почитаемую азиатами недоступной, с теми же орудиями за шесть дней совершенно разрушил как внешние, так и внутренние ее стены. И на этот раз также впал в панику сбежавший только что из Сардарабада и ставший здесь полководцем бессердечный Ассан-хан. Потерял он надежду и отчаялся, не полагаясь больше на восставшее против него войско и население, которые после разрушения стен разъярены были страхом всеобщего истребления. Вопреки воле его, открыли они ворота крепости. После этого, надеясь, что найдет убежище в выстроенной его братом новой молельне, он укрылся в одной из комнат, но был арестован грозным генералом Красовским, вместе со всем своим гарнизоном 1-го октября».³

Овладев Эриванской крепостью, русские взяли в плен самого Гасан-хана, всех его высших офицеров и свыше 3000 персидских сарбазов. Захвачено было также большое количество оружия, боеприпасов, провианта и 4 боевых знамени.⁴

Армяне Эривани с огромным ликованием и чувством безграничной признательности встретили вступление русских войск в крепость. На русских армяне смотрели как на своих спасителей.

Глубокую любовь и искреннюю дружбу всего армянского народа к русским прекрасно выразил Хачатур Абовян в своем историческом романе «Раны Армении».

«Стоило русскому солдату ступить ногой в крепость—и в тысяче мест, в тысяче окон люди не в силах были открыть уста, так душили их радостные слезы. Но у кого было сердце в груди, тот ясно видел, что эти воздетые руки, эти застывшие, устремленные на небо глаза говорят и без слов, что даже разрушение ада не могло бы иметь для грешников той цены, какую имело взятие Эриванской крепости для армян!»

Описывая глубокую радость армян и их ликование по поводу освобождения Эривани от персидского ига, Хачатур Абовян выражает заветные чувства армянского народа, его обет навсегда сохранить признательность и любовь к великому русскому народу-освободителю.

¹ Потто В. Кавказская война в очерках, стр. 508.

² Там же, стр. 509.

³ „Матенадаран“, папка № 5—8, документ 133.

⁴ ЦГВИЛ, ф. ВУА, д. 4312, л. л. 197—204.

«...И слепым, завистливым людям покажет армянский народ, что он не ради денег или ради корысти почитает имя русской державы, а сердечное свое чаяние выполнить желает—спасителю веры своей и сынов своих не пожалеть отдать и кровь, и жизнь самую, и детей!»¹

За взятие Эривани Николай I даровал ген. Паскевичу звание «графа Эриванского». Паскевич получил также крупное денежное вознаграждение.

6-го октября ген. Паскевич, во главе основных сил своего корпуса, выступил в поход на Тавриз. Но еще за два дня до этого князь Эристов вышел из Нахичевани и 13-го октября, почти не встретив сопротивления персов, занял Тавриз. Как в самом городе, так и в его крепости, русские захватили богатейшие трофеи.²

После падения Эриванской крепости и последовавшего вслед за ним взятия Тавриза персидская армия полностью деморализовалась. Отдельные отряды в панике, беспорядочным толпами бежали в глубь Персии. Персидское командование совершенно разуверилось в возможности оказать какое-либо серьезное сопротивление стремительно продвигавшимся в глубь персидской территории русским войскам. Потерявший голову от нагрянувшей катастрофы главнокомандующий Персии принц Аббас-Мирза бежал в Тегеран.

Поражение персидской армии крайне обострило внутренние противоречия в стране, в разных концах которой вспыхнули народные волнения к свержению Каджаров.³

Оказавшись перед катастрофой, персидский шах готов был заключить с русскими мир на любых условиях. Шах прекрасно понимал, что продолжение войны приведет к развалу персидского государства, к свержению Каджаров.¹

Русское командование, следуя указаниям царского двора, также не было против заключения мира с Персией, поскольку главная задача, поставленная перед русскими войсками в эту кампанию—присоединение Эриванского и Нахичеванского ханств—была уже разрешена. С другой стороны, русские спешили заключить мир с персами, так как в это время вновь крайне обострились отношения между Россией и Турцией. Было ясно, что возникновение новой русско-турецкой войны является вопросом ближайших дней. Таким образом, русское командование было заинтересовано в скорейшем заключении мира с Персией, во-первых, для того, чтобы не дать возможности Персии и Турции заключить союз для общего военного выступления против России, и, во-вторых, чтобы развязать себе руки и иметь возможность обратить весь военный потенциал против нового врага.

Вскоре начались переговоры о заключении мира. 6 февраля 1828 года в небольшое село Туркман-чай, расположенное по дороге из Тавриза

¹ Абовян Х., Полное собрание сочинений в 8-ми томах, т. III, стр. 179 (на армянском языке), Ереван, 1948.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4292, л. л. 46--57.

Щербатов, «Генерал-фельдмаршал князь Паскевич» т. III, стр. 3.

в Тегеран, для возобновления мирных переговоров с Аббасом-Мирза прибыл ген. Паскевич.

Переговоры были успешны. 10 февраля 1828 года представителями России и Персии был подписан трактат о заключении мира.¹

В выработке чрезвычайно благоприятных для России условий Туркманчайского мирного договора большую роль сыграл А. С. Грибоедов.²

Туркманчайским трактатом закончилась вторая русско-персидская война. Победы русского оружия в этой войне укрепили государственные границы России на юге. Потерпели крах все планы и усилия европейских государств—Франции и, особенно, Англии—помешать утверждению России в Закавказье.

Согласно Туркманчайскому договору Эриванское и Нахичеванское ханства окончательно переходили к России, вместе с Ордубадским уездом; Персия лишилась права содержать флот на Каспийском море, и исключительное право плавания в море предоставлялось лишь России. Помимо этого, Персия обязывалась заплатить России 10 куроров туманов (или 20 миллионов рублей серебром) контрибуции в покрытие военных издержек.³

По статье XV-ой Туркманчайского трактата Персия обязывалась не препятствовать тем из своих подданных, которые пожелают «перейти из Персидских областей в Российские». Этим пунктом мирного договора насильственно угнанные в Персию армяне получали возможность возвратиться на родину.

Таким образом, Туркманчайским договором Восточная Армения навсегда освобождалась от кровавого персидского ига, и восточные армяне навечно связали свою судьбу с судьбой великого русского народа.

Восточная Армения была присоединена к России благодаря победе русского оружия, хотя действующая в Восточной Армении русская армия по своей численности была намного меньше персидской. Эта победа была обусловлена не только передовой в то время военной техникой и тактикой русской армии, сравнительно с персидской, но и *храбростью, стойкостью и самоотверженностью русского солдата.*

С победой русских армий окончательно было свергнуто тяжелое персидское иго в Закавказье, в том числе и в Армении, *окончательно сорвались планы персидских завоевателей и их покровителей—французских и английских колонизаторов—изолировать Закавказье от русского влияния.*

¹ Юзефович Т., «Договоры, заключенные Россией с Востоком», стр. стр. 214—222, 223—227.

² Берже П., «Александр Сергеевич Грибоедов в Персии и на Кавказе (1818—1828)», «Русская страна», 1874, т. V, октябрь, стр. 276—300. См. также В. Парсамян «Грибоедов и армяно-русские отношения», Ереван, 1947 (на арм. языке.).

³ Юзефович П., указ. соч., стр. 218, см. также Потто, В., указ. соч., т. III, стр. 518.

Присоединение Закавказья к России явилось победой русского оружия и русской дипломатии не только над Персией, но и над французскими и английскими завоевателями, начавшими в этот период свою колонизаторскую деятельность на Ближнем Востоке.

В деле присоединения Восточной Армении к России определенную роль сыграло то огромное содействие, которое оказывали русским закавказские народы—армяне, грузины и азербайджанцы.

* * *

Успешный ход и завершение военных операций, обеспечивших присоединение Закавказья к России, в значительной степени были обусловлены многосторонней помощью, которая оказывалась наступающим русским войскам со стороны закавказских народов. Грузинский, армянский, азербайджанский народы рассматривали русскую армию как свою спасительницу и делали все возможное, чтобы обеспечить ее победу.

Во имя этой победы тысячи сынов азербайджанского, армянского, грузинского народов, плечом к плечу с доблестными русскими воинами, с оружием в руках громили полчища ненавистной персидской деспотии.

Дворянско-буржуазная историография всемерно старалась умолчать активное содействие, оказанное закавказскими народными массами русской армии. В лучшем случае она указывала на услуги, оказанные «русскому престолу» со стороны «титулованных особ» из среды закавказской знати.

В действительности самую последовательную и действительную помощь русской армии оказывали трудящиеся массы Закавказья, больше всего страдавшие от персидского произвола.

Ограничиваясь здесь лишь вопросом участия армянского народа в освобождении Восточной Армении, мы должны отметить, что уже в период первого похода на Эривань, армянские трудящиеся массы по своей собственной инициативе организовали добровольческие отряды для борьбы против персов.

В Эриванском походе генерала Гудовича особо отличались волонтеры особого армянского конного отряда Григора Манучаряна.

Одновременно с этим среди армянского населения стихийно организовались ополченские дружины, большей частью действовавшие в тылу врага.

Особенно крупные военные действия развернули армянские ополченцы против вторгнувшихся в Закавказье персидских сил во время второй русско-персидской войны.

Сотни армянских крестьян-ополченцев вместе с русскими пограничными отрядами сражались с персидскими войсками под Хли-Караглисом и гибли смертью героев в неравных боях.

Учитывая горячие симпатии армянских трудящихся масс к России, русское командование само шло на организацию специальных армянских

частей и не раз отмечало их высокие боевые качества. В своем воззвании от 24-го мая 1827 года военный губернатор Тифлиса Сипягин отмечал: «С самого вторжения прошедшего года в наши пределы персидских войск армяне отличились неустрашимостью против врагов, непоколебимой твердостью в претерпенных бедствиях...»¹

Уже в августе 1827 года были сформированы три боевые добровольческие дружины.

Направляясь из Тифлиса в Эривань для присоединения к действующей там русской армии, армянские добровольческие дружины, проходя через армянские села, вызвали огромное воодушевление и ликование среди армянского населения. По пути к ним присоединялись все новые добровольцы из числа армянской молодежи, так что в день прибытия к месту назначения численность дружин бывала обычно в несколько раз больше, чем в день их выступления из Тифлиса. Небольшая дружина превращалась в настоящий полк, в солидную боевую единицу. Так, первая армянская добровольческая дружина, при выступлении 17 мая 1827 года из Тифлиса насчитывавшая всего 117 бойцов, по прибытии под Эривань насчитывала уже свыше 1000 бойцов.

На поле брани армянские ополченцы показывали примеры исключительной стойкости и героизма.

Кровь, пролитая русскими и армянскими воинами за освобождение Восточной Армении, явилась цементом, еще более скрепившим многовековую дружбу русского и армянского народов.

Можно смело утверждать, что не только восточные, но и западные армяне, стонавшие под игом султанской Турции, были полностью на стороне России и свое освобождение связывали с победами русской армии. Подтверждением этому служит самоотверженная борьба трудящихся армян в русско-турецкой войне 1828—1829 гг., которая последовала вслед за освобождением Восточной Армении. Достаточно отметить самоотверженную борьбу армян-воинов в период героической обороны Баязета русскими частями. Генерал-майор Попов писал, что «армяне дрались и умирали как герои. Их командиры находились всегда в первой линии и почти все они были ранены».

Чувства искренней преданности армянского трудящегося населения России, русской армии, их незыблемая готовность стойко сражаться бок о бок с русскими воинами за освобождение своей родины были запечатлены великим Пушкиным в «Путешествии в Арзрум».

Само собой разумеется, что, самоотверженно сражаясь против иранской и турецкой деспотии и стоящих за их спиной английских и французских колонизаторов, армянские трудящиеся массы вдохновлялись не внешне-политическими целями русского царизма, а задачей своего избавления от неминуемой гибели под гнетом персидско-турецких варваров, задачей единения с великим и свободолюбивым русским народом.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4338, л. 8.